

ЯРОСЛАВ ТУРОВ

СЕРДЦЕ КРАСАВИЦЫ

Рассказ

[Из книги «По полю мёртвых одуванчиков» (М., 2015)]

I

– Гляди, какая идёт! – услышала она за спиной мужской шёпот и даже оборачиваться не стала, зная наверняка: про неё говорят. Ещё каких-то два года назад все эти раздевающие взгляды были в диковинку, но она уже давно забыла, каково это, когда на тебя никто не смотрит.

– Вот это ж...! Я б! – раздалось слева. Как это пошло, – подумала она. – «Я б ...!» Кто-то говорит, что это и есть самый главный мужской комплимент. Он, мол, вмещает в себя и «О Боже, какая ты красивая!», и «Твои глаза как горные озёра», и даже «Никогда не встречал девушки с таким кругозором!» Видимо, это удел всех красавиц. А она красива, уж теперь-то она это прекрасно знает. Но ведь было время...

Её настигли у лестницы. Высокий симпатичный брюнет обогнал её и встал на пути.

– Девушка! Выходите за меня замуж! – выпалил он, чуть запыхавшись, словно пробежал через полуниверса, чтобы ей это сказать. – Вы так обворожительны, что если откажете, это разобьёт мне сердце!

Это было настолько внезапно, что она сперва даже не знала, что и сказать.

– Прямо так – сразу замуж, даже имени моего не спросишь?

– Если бы вы назвали своё имя и приложили номер своего мобильного, я бы умер от счастья, – широко заулыбался брюнет. Какие у него широкие плечи и сильные руки...

– Меня зовут Маша, очень приятно, – сказала она, разглядывая парня. Какой классный, даже жалко такого разочаровывать.

– Красивое имя! А телефон у вас какой?

– У меня «Samsung». – Она попыталась его обойти, но он не пустил.

– Нет, я имел в виду номер.

– Ты что же, торопишься умереть от счастья?

– Я на всё готов, только дай мне свой номер. – Глаза парня светились, он так тяжело дышал, словно только что пробежал марафон. Вот настырный.

– Извини, дружок, ты опоздал на три года. Я другому отдана и буду век ему верна, – с нотками грусти произнесла Маша, мягко обогнула парня и пошла вниз по лестнице. На помрачневшее лицо брюнета она старалась не смотреть. Не грусти, красавчик, следующая обязательно будет твоей...

Уже третий за неделю, – думала Маша. И все как назло в моём вкусе! Ладно бы подкатывали какие-нибудь жирные и прыщавые, так нет же. Все как на подбор высокие и красивые, гады. И от каждого надо бежать...

Пока она шла по коридору, со всех сторон на неё обращались жадные взгляды. Маша достала из сумки телефон и мельком глянула на экран. Звонков и сообщений не было. Печаль. Всё-таки хорошо тот мальчик придумал с предложением на лестнице. Обязательно бы с ним куда-нибудь сходила, если бы не... Опять эти «если бы»!

Дорога от универса до дома заняла полчаса. Двадцать минут на стареньком скрипучем автобусе – и почему они до сих пор не купят нормальные? – и десять минут блуждающих в панельных джунглях, куда постороннему лучше не соваться. Девчонок, с которыми она снимала маленькую квартирку в микрорайоне, дома не было: Катя ещё на парах, а у Светы работа допоздна, пашет на хостесе каждый день. Маша быстро скинула с себя толстовку, в которой ходила в универ чуть ли не каждый день (в ней на неё меньше пяли-

лись), быстро разыскала среди глаженных вещей белую сорочку для офиса, оделась, подкрасила ресницы, а потом организовала себе чай с шоколадкой. В квартире было прохладно и тихо. Начало мая на календаре, солнце за окном уже палило вовсю, но ни один лучик не проникал в комнату в это время дня. На стене висел огромный плакат с Мэрилин Монро, под ним стоял большой раздвижной диван, сейчас аккуратненько укрытый простынёй. Маша тоскливо посмотрела на него. Целый день квартира свободна, но даже пригласить никого нельзя. Вот бы... Но времени на воздушные замки не осталось. Маша быстро допила чай, откусив от шоколадки совсем чуть-чуть, схватила сумочку и пошла на работу.

Вот уже несколько месяцев после пар она подрабатывала администратором в школе иностранных языков. Работа непыльная – подай, позвони, скройся с глаз и не мешай. Сначала она перебирала накопившиеся бумаги, а ближе к концу дня обзванивала клиентов. В перерывах делать особо нечего, и Маша сидела в соцсетях с рабочего компьютера. Опять целый ворох сообщений от незнакомых мальчиков, парней, мужиков, даже один дед написал, безнадёжный, как часы с кукушкой. Ну ты-то куда, перец маринованный? Где-то я тебя видела... Тут Маша с удивлением узнала препода по статистике, который вёл в параллельной группе, про него ещё говорили, что он бодрый и хорошо держится. Ужас какой. Маше стало жалко его. Как это грустно, когда ты ещё «ого-го», но поздно, так безнадежно поздно...

Что там дальше по списку? Всё одно и то же, одно и то же... Какая ты красивая... Что-то там про нимфу и ангела... Стандартное «А парень у тебя есть?» раз пятьдесят... Предложения типа «А не хочешь бесплатную ню-фотосессию, мне для портфолио...» или классическое «Вашей маме зять не нужен?» Мастера пикапа, на какой помойке вы себя нашли? Самое главное, ОН опять оффлайн. Заходил три часа назад с телефона и даже ничего не написал. Наверное, ждёт, что я первая ему напишу...

«Привет, моя малышка», – написал какой-то придурок. Она имела неосторожность ответить ему вчера...

«Какая я тебе к чёрту твоя?» – отозвалась Маша, просматривая стену парня. Надо же, он даже не красивый. И пишет с ошибками.

«Малыш, ну зачем ты так?»

«Я тебе не малыш, мне уже третий десяток идёт».

«О, большая девачка! Я тоже большой. Местами даже очень».

«Это точно не про твой мозг», – набрала она, закусив губу.

«Киса, я тут изо всех сил стараюсь, а ты мне такие вещи пишишь».

«Запрись где-нибудь один и там старайся. У меня есть парень, мы с ним вместе уже давно, и я его люблю».

«Чё, прям реально довно?»

«Реально. Больше трёх лет».

Имбецил на том конце долго молчал, а потом написал: «Малыш, я не хочу быть запасным аэродромом». Это её убило. Называет «своей», даже толком не пообщавшись, а потом ещё и «не хочет быть запасным». Да с чего ты взял, что ты вообще им будешь! Беззвучный смех душил Машу минуты две и не отпустил даже тогда, когда вошли начальница с одной из преподавательниц английского и непонимающе уставились на неё.

– Мария, что это с вами?

– Я... просто... ой, извините, Наталья Николаевна! – справиться с собой стоило большого труда. – Просто вспомнила кое-что смешное.

Директриса языковой школы быстро подошла к компу и взглянула на экран. Там ничего не было, к счастью, Маша успела закрыть все окна.

– Смотрите мне, Жукова, если я ещё раз застукаю вас за этой болтовнёй в соцсетях, у нас с вами будет долгий и неприятный разговор.

Всё веселье мигом схлынуло. Вот стерва. Ну и что ты мне сделаешь? Зарплату мне понизишь? Уволишь? И так за жалкие гроши тут пашу, только и хватает, чтобы за квартиру платить. Если бы не удобный график, давно бы ушла из этого гадюшника. Ещё и учил-

ка эта глазки на меня вылупила через свои окуляры. Будто я не знаю, что вы с ней только и делаете, что перемываете мне кости, стоит отойти по делам.

– Да, Наталья Николаевна, – сказала Маша, и вернулась к работе. В коридоре раздался голоса. Через минуту в двери показался невысокий лысоватый мужчина восточной внешности, золотые запонки, перстень и толстая цепь на шее так и заиграли бликами в белом свете ламп. За ним на цыпочках семенил верзила-сторож, тоже, кстати, как-то раз пытавшийся склеить Машу.

– Наташ, всё как договаривались? – спросил восточный мужчина, не здороваясь.

– Да, Зураб Мехдиевич, – бархатным тоном сказала начальница. – Мы всё сделали так, как вы нас и просили. Даже два проектора нашлись и видео-доска.

– Отлично. Проверь зал ещё раз, чтоб всё было с шиком, с блеском. Это очень серьёзные люди, я тебе уже говорил. Очень серьёзные.

– Я всё понимаю, Зураб Мехдиевич, будет сделано в лучшем виде. Насчёт флаеров будут распоряжения?

– Да, мне предыдущий дизайн нравился больше...

Тут взгляд мужчины скользнул по Маше и замер. Глубокая складка между бровей его тут же пропала.

– А вас как зовут? – спросил он очень вежливо.

– Мария, дежурный администратор, – в тон ему отозвалась она. – К вашим услугам. – Ухоженный, вроде, да и пахнет от него хорошо. Дорогуший парфюм, наверное. Маша даже на секунду закрыла глаза, чтобы насладиться ароматом, и от вошедшего это не укрылось.

– Очень приятно, Мария, – расцвёл он. – Для вас я просто Зураб. Видите ли, мне бы очень хотелось, э-э... подтянуть мой деловой английский.

Ну да, как же. Видали мы таких англичан.

– Конечно, наш центр предлагает широкий спектр образовательных услуг в сфере улучшения навыков... – начала Маша и на автомате выдала заученную фразу, что повторяла каждый день по телефону около сотни раз. Как смотрит-то, зверюга, словно съесть хочет. Из мужчин на неё не смотрели так лишь маленькие мальчишки, глубокие старцы да голубые. Хотя, после того препода, насчёт старцев она уже не уверена...

– Надо же, – почесал затылок Зураб. – Я даже так сразу не могу определиться с курсами. Может быть, вы дадите мне свой телефон, и я позвоню вам для дополнительной справки в другое время?

Ага, именно для справки ты и позвонишь...

– Конечно, со мной можно связаться по этому телефону в будние дни с двух до семи, – и она протянула ему карточку языковой школы. Мужчина обрадовано схватил её, но улыбка быстро растаяла на смуглом лице.

– Погодите, но это же ваш рабочий номер, а я говорил о личном!

– Прошу прощения, но на рабочем месте я личными делами не занимаюсь, – холодно и максимально вежливо сказала Маша. Глубокая складка вновь избороздила лоб мужчины. Пожевав губу, смущённый Зураб еле заметно кивнул и вышел, бормоча что-то себе под нос не по-русски. Смущённый сторож засеменял за ним, начальница метнула в Машу испепеляющий взгляд и тоже пошла следом, в приёмной осталась только англичанка в огромных роговых очках.

– Кто это был вообще? – спросила Маша, смутно догадываясь, что совершила промах.

– Ты что, это же Алиев, или просто Али, – недоумённо уставилась на неё преподаша. – Он миллионер, ему принадлежит половина продуктовых магазинов города, и к тому же он владелец всех портовых складов. Все помещения и оборудование нашей школы – тоже его.

– Понятно, почему наш сторож так перед ним съёжился, – хмыкнула Маша. Надо же, миллионер.

– Смотри, Маша, будь осторожнее, они с Натальей Николаевной не просто коллеги, если ты понимаешь, о чём я.

– Да мне-то что, я на этого её миллионера не покушаюсь.

Англичанка долго и недоумённо пялилась на неё, после чего пробормотала что-то вроде «глупая ты ещё» и вышла. На себя посмотри, выдра в парике. Потом снова пришла начальница, бросила на стол перед Машей папку с документами и удалилась в свой кабинет, не сказав ни слова. Зашибись денёк, думала девушка, просто зашибись.

В семь часов, когда рабочий день закончился, и Маша вышла на улицу, позвонила мама и сказала, что опять не сможет выслать ей денег. Младший брат Маши играл в футбол под дождём и простудился, все деньги пришлось отдать на лекарства. Девушка спросила, на что же ей тогда жить, ведь всю зарплату ей придётся отдать за квартиру. Мама сказала, что не знает, отец по-прежнему не выходит из дома и отказывается идти работать, хотя она его и упрашивала в миллионный раз, наверное. До конца Маша не дослушала, она положила трубку и размашистым шагом пошла домой. Внутри у неё всё кипело. Это была смесь гнева и лёгкой паники. Что теперь делать?

Минут через десять телефон снова зазвонил. Это было ОН, её парень. Несмотря на то, что настроение было ни к чёрту, Маша переборола себя и заговорила настолько приветливо, насколько была способна. Да, она очень ему рада, конечно. Нормальный у неё голос. Как у него дела, как прошёл день? Почему он за всё это время так ей и не написал? Она ведь так соскучилась. Конечно, она понимает, что он очень занят, что ему и так приходится творить чудеса со своим графиком, чтобы созваниваться с ней каждый день. Её сегодня за день опять пытались склеить три мужика – в универе, в интернете и даже один на работе, миллионер. Нет, ему не стоит так ревновать, никакие миллионеры с денежными чемоданами ей не нужны, ведь ОН у неё самый лучший, она любит его больше всего на свете. Честное-пречестное слово. Какой смысл ей быть с этим миллионером? Чтобы тот воспользовался ею, как вещью, а потом выбросил за ненадобностью, как только надоест? Нет, хочешь стать женой генерала, выходи за лейтенанта, она всегда ему так говорила. Кстати, есть тут одно дело... Пусть он пообещает, что не будет злиться, ругаться и обижаться. Нет, он точно обещает? Просто она ведь не хочет, чтобы он думал ней плохо, она ведь не какая-то испорченная, алчная тварь... Она хочет попросить его об услуге, у неё осталось всего триста рублей. До конца недели этого хватит, а потом... Пожалуйста, пусть он прекратит говорить так плохо об её отце, да, он тунеядец и пьяница, но он всё же её отец, и она всегда будет любить его, что бы ни случилось! Тем более, он далеко не всегда был таким... О, она так благодарна, что её любимый пришлёт ей денег, пусть не так много, но он заработал их сам и отдаёт от чистого сердца, ей они очень сильно помогут, их как раз хватит на жизнь. К тому же она сможет купить новые кроссовки для бега. Господи, как же она по нему соскучилась, по его рукам, по его губам... Её уже три месяца никто не обнимал, а ведь ей так этого не хватает... Зачем, ну зачем он уехал от неё так далеко, зачем украл её сердце? Нет, нет, она не плачет, она уже давно не плакала. Да, да, она ему верит, она знает, что пройдёт время, и они будут вместе, они будут счастливы, и всё будет хорошо. Всё-всё, она уже успокоилась, она уже не плачет. Да точно, точно не плачет, пускай он не переживает. Она будет ждать его звонка завтра вечером после работы, как всегда. Она любит его и желает хорошего дня...

Маша медленно нажала на кнопку сброса и скрестила руки, сжав телефон тонкими пальцами так сильно, как только могла. Сердце ухало в груди, Маша зажмурилась. С каждым разом эти разговоры даются ей всё трудней. Как трудно быть нежной, когда внутри всё переворачивается, когда всё тело вопит, что ему нужны не разговоры, а совсем другое.

Потребовалось минут пять, чтобы пересилить себя и идти дальше. Проходя мимо продуктового магазина, в котором как раз какие-то парни грузили ящики с фруктами, Маша услышала: «Боже, какая прекрасная девушка! Я всегда мечтал, чтобы у меня была такая». Сказано было достаточно громко, намеренно. И вроде бы сказали искренне, без всякой пошлости, но Маше вдруг стало противно. Ты, неудачник, жалкий грузчик, да кто

ты вообще такой, чтобы даже допускать такие мысли? Да ты хоть знаешь, кто у меня парень, где учится и чем занимается, неужели ты думаешь, что я променяю его на тебя?! Потом вдруг ей стало страшно от собственных мыслей. Нет, нет, что за снобизм, она и сама не так далеко ушла от этого грузчика, она не должна так думать. Но после всего того, что у неё было с НИМ, она уже никогда не сможет встречаться с парнем из ПТУ...

Маша вспомнила самый первый день знакомства со своим парнем. Это было в летнем лагере, они оба только закончили десятый класс, им было по семнадцать. Он был такой яркий, сразу выделялся из толпы других ребят, как будто даже светился. Мальчик – восклицательный знак, прозвала она его про себя. Он много балагурил, и рассказывал всегда так, что все шикали, стоило постороннему вставить слово. И выглядел он намного старше своего возраста, так что она даже сперва приняла его за водителя. «Если бы он захотел, я без сомнения отдалась бы ему», – подумала Маша едва ли не в первую минуту знакомства. Эта мысль до того удивила её, что она не смогла бы её забыть, если бы даже захотела. Дни лагерной смены летели как секунды, а он даже и не думал обращать на неё внимание, общаясь всё больше с другими девушками и лишь изредка кидая в её сторону осторожные взгляды. Она уж и намёки ему делала, и анонимные записки оставляла, и тайные знаки, а один раз даже... Хм, но об этом лучше вовсе никому не знать. Всё было без толку, он просто не смотрел на неё, не видел в упор. Казалось, надежды нет, но их всё-таки свела судьба. Они поцеловались на дискотеке. Маша даже не помнила, как это произошло, всё плыло, будто в тумане. После смены они встретились в городе раз, другой, третий. На четвёртый он сказал, что всегда считал её недостижимым идеалом, слишком красивой для себя, поэтому боялся предпринять какие-либо шаги. А теперь он совсем потерял голову, не может ни есть, ни спать, он... Он любит её. После этих слов всё завертелось так быстро, они стали встречаться, дни и ночи помчались, как поезда в далёкие города, где у тебя никого нет, и никто не ждёт. Первые три месяца показались одной секундой, неделимым атомом, огромным светящимся пятном абсолютного счастья, клубком, который нельзя распутать, даже если сильно того пожелать.

Потом вдруг пробежала кошка, разбились розовые очки, и они расстались. Это случается со многими, от этого не сбежать. Но со временем боль и обида ушли, и вновь непреодолимая сила влечёт их, они гуляют, взявшись за руки, и звёзды светят им, и сладкий запах черёмухи кружит голову, и всё закончится под одеялом, нельзя ведь просто лечь спать, когда тебе восемнадцать! Боже, что он с ней сделал, как представить свою жизнь без него? Он ведь первый, единственный, а все остальные... Их нет, они как деревья в лесу, все одинаковые. Нет больше мужчин, есть просто люди. Только ОН мужчина, сильный, дерзкий, умный, страстный, нежный, заботливый... Он носил её на руках, сдувал с неё пылинки, заваливал цветами, а в постели... До сих пор всё немеет при воспоминаниях о тех ночах... Это её заслуга. Это она сделала его таким. Мама всегда говорила ей, что настоящего мужчину создаёт настоящая женщина. Маша крепко усвоила этот урок. Она захотела, чтобы он стал сильным, и он стал. Она пожелала, чтобы он обходился с ней, как с королевой, и он с охотой взялся за эту роль. Она пожелала, чтобы он стал идеальным любовником, и он научился... Конечно, ей не с чем сравнивать, но судя по рассказам подруг, у которых с этим не ладилось, он почти идеален.

Были и недостатки. Да, он сноб, эгоист и ревнивец, да, он не умеет отдавать всего себя без остатка, вечно хватается за что-то новое и бросает на полпути. Стоит хоть немного посягнуть на его свободу, он тут же вскипает, рвёт и мечет свои страшные колкости, словно молнии, подчас раня в самое сердце. А ещё он отдаётся своим странным идеям, точно одержимый. Взять хотя бы тот раз, когда он начитался книжек про буддизм и решил, что всё тленно, в земной жизни вообще нет смысла, отчего целую неделю не выходил из дому и даже почти ничего не ел, медитируя с утра до ночи. Она чуть с ума не сошла тогда, пытаясь его растормошить. Зато потом у него внутри словно что-то щёлкнуло, и он набросился на неё с поцелуями, повалил на свой коврик для йоги, а через час они пошли в

какой-то местный захудалый макдак и съели на двоих самый большой и самый вредный гамбургер, который только был в меню...

Однажды он вдруг как с цепи сорвался, бегал по комнате и кричал, что она тянет его в пошлое мещанство, потом вдруг исчез на месяц, и только от общих знакомых Маша узнала, что он уехал. Поступил в престижный университет в далёком-предалёком городе, почти что на другой планете, у неё просто недоставало воображения представить, насколько это далеко. А она осталась. Не хватит слов описать, сколько слёз Маша выплакала тогда. Она очень похудела и стала тенью самой себя, так что даже друзья не узнавали её. И лишь только стоило ей чуть отойти от шока и успокоиться, он позвонил ей, попросил прощения и сказал, что всё ещё любит. Самое страшное, что Маша тут же простила его и даже придумала всему этому какое-то оправдание. Она пообещала дождаться его. Она сама на всё это подписалась.

Мимо Маши, опираясь на палочку, прошёл маленький пожилой человечек в потёртом пиджачке и плоской серой кепочке. Увидев девушку, он даже на несколько секунд остановился и засмотрелся, вспоминая о чём-то безвозвратно ушедшем. Маша улыбнулась ему робко и пошла дальше, а старичок остался стоять. Вот и у НЕГО в деревне живёт такой же дедушка, совсем маленький и смешной, как сердитый ёжик, и очень-очень большой. Как-то раз они поехали к нему вместе, парень носился вокруг Маши как сумасшедший и очень беспокоился, и когда они, наконец, были на месте, она поняла почему. Дедушка жил не бедно, но со смертью жены и приходом болезни некогда большое и крепкое хозяйство его пришло в запустение. Сил у него не хватало даже на то, чтобы выкосить сорную траву, запленившую сад и огород, давно не видевший того изобилия плодов, овощей и ягод, которое было раньше. Огромный дом, что дедушка построил своими руками полвека назад, тоже пустовал, и сам дед жил в маленькой летней кухне с большим толстым котом, которому было лень даже поднять глаза и посмотреть на того, кто его гладит. Время от времени помочь по хозяйству к нему заходили соцработники, раз в полгода приезжали успевшие сами состариться дети, раз в год – разъехавшиеся кто куда внуки. Был как раз такой день, когда ОН и его двоюродные сёстры собрались провести деда, и он взял Машу с собой.

Грязь и пыль в комнатах – вот что запомнилось ей больше всего. А ещё обезображенное опухолью лицо дедушки. Сгорбившись, не видя и не слыша ничего вокруг себя, он ходил по заросшему саду между неухоженных яблонь, сам больше похожий на трухлявый пенёк, чем на человека. Даже внука он, казалось, узнал с большим трудом. Машу дедушка изучал особенно долго. Его мутные глаза смотрели слово сквозь неё или куда-то вглубь, так что ей стало не по себе, тем не менее, она нашла силы улыбнуться ему и пожать его сухую ладошку, на удивление сильную. Потом, пока её парень с сёстрами убирался в саду и колол дрова, она наводила порядок в доме. Горы грязной посуды в раковине, толстый слой пыли на полках и подоконниках, паутина повсюду, какие-то серые клочья по углам – всё это ей пришлось вымыть, вычистить и вымести. Потом она приготовила на плитке обед из тех продуктов, что нашла в холодильнике, а ОН всё это время был рядом, смотрел на неё серьёзным немигающим взглядом, всю обратную дорогу в электричке молчал, а потом вдруг сказал, что женится на ней. Он так решил, это абсолютно серьёзно, он женится на ней, и у них будет трое красивых и умных детей. Такой счастливой, как тогда, она, наверное, никогда не была.

...Когда Маша вернулась в квартиру, чтобы переодеться на тренировку, она застала на кухне своих соседок Катю и Свету. Света сидела с красными от слёз глазами и время от времени беззвучно вздрагивала, глядя, как Катя размешивает сахар в чашке с чаем.

– Что стряслось? – спросила Маша. Света – девчонка, что называется, боевая, нужно очень постараться, чтобы довести её до слёз.

– Это всё ихний главный повар, – сказала Катя.

– Какой повар? – не поняла Маша. – Тот хмырь, что к тебе подкатывал, а ты отшила? – Света кивнула. – И что же он?

– Он её подставил. Сегодня приезжал хозяин ресторана, где работает Света, а с ним делегация японцев. Они ещё за месяц заказывали стол. Так вот, когда повар лично пришёл удостовериться у гостей, что всё в порядке, ему сказали на английском, что обслуживание и работа хостеса просто замечательные, а вот блюда оставляют желать лучшего.

– Я всё это слышала своими ушами, – пробормотала Света. – Не зря же я этот долбаный английский столько лет в школе зубрила.

– Ну, ну, а дальше что?

– А дальше повар, естественно, не захотел признавать свои косяки и передал хозяйину, что гостям очень понравилась кухня, но работой хостеса они недовольны. А тот, недолго думая, лишил Свету зарплаты за месяц, а официанткам урезал вдвое.

– Как? Не может быть такого!

– Это ещё что, мог бы вообще уволить.

– Уходить надо с такой работы, не задумываясь!

– Да куда я пойду? – взорвалась Света. – Ты хоть знаешь, сколько я искала эту работу, сколько порогов оббила, скольких людей упрашивала? В таком городе, как наш, молодой красивой девушке, да ещё студентке, устроиться на приличную работу практически нереально, и без того желающих выше крыши.

Это уж точно, подумала Маша и вспомнила, скольких нервов ей стоило устроиться в языковую школу. Одно время она хотела пойти секретаршей, но работодатель без обиняков заявил, что в непосредственные обязанности секретаря входит оказание начальству интим-услуг. Потом она, как и Света, пыталась устроиться в хостес, но и тут ей не повезло – скользкий тип с маслянистыми глазками, набравший девушек, заявил претенденткам на собеседовании, что главное – не встречать и рассаживать гостей, а развлекать их, делая всё, чтобы за вечер они съели и выпили как можно больше. «А если кто-нибудь из гостей захочет меня поиметь, этот продаст, даже не задумываясь», – думала Маша, хлопая за собой дверью. Была ещё попытка устроиться оператором в службу такси и принимать заказы, но там ей сразу же дали листочек с каким-то адресом. Придя на место, Маша оказалась в большой квартире со множеством комнат, в которых перед компьютерами и телефонами сидели девушки, что-то непрерывно нашёптывая и постанывая. Маше предложили поработать в сексе по телефону.

– С вашими голосовыми данными принимать заказы на такси – преступление против таланта... – сказала миловидная девочка-менеджер. Дальше Маша не услышала, так как пулей вылетела прочь. Что за ерунда такая, думала она, неужели всем нужно от меня только моё тело, а на мои знания, мой энтузиазм всем наплевать? Только в четвертый раз ей удалось-таки найти работу с подходящим графиком, где не надо было никого ублажать, вот только начальница постоянно действовала на нервы, а платили студентке без диплома катастрофически мало.

Оставив девчонок наедине, Маша пошла переодеваться на тренировку. Сняв с себя офисную сорочку и чёрную юбку чуть выше колена, Маша надела обтягивающий топ, так здорово подчёркивающий её третий размер, и тугие чёрные шортики, в которых её попа становилась похожей на круглый выпуклый бампер. В зеркале всё это смотрелось идеально, но Маше казалось, что тут и там выпирают жирные складки, а стоило ей кинуть взгляд на пылящиеся в углу весы, как по коже и вовсе забегали мурашки. Мысль о том, она, возможно, толстая, очень мучила Машу, она всё время с ностальгией вспоминала первый курс, когда весь первый семестр ходила по универу в мятой толстовке, ненакрашенная и в полной уверенности, что она самая красивая – настолько ОН её в этом убедил. Сейчас, когда он был за тысячи километров от неё, слова уже не действовали, и страх остаться одной, помноженный на детские комплексы из-за фигуры, то и дело давал о себе знать. Лет до тринадцати Маша была очень полной девочкой, и как её только в классе не дразнили, аж вспоминать об этом противно, и сколько раз она дралась с мальчишками, что смели её обижать... Потом, правда, она им всем страшно отомстила. Превратившись к девятому классу в первую красавицу школы, – Маша сама не поняла, как так вышло, – она просто

стала игнорировать всех, кто хоть раз позволял себе раньше какие-то насмешки в её адрес, делала вид, точно их и не было совсем. Более изощрённую пытку для обуреваемых гормонами пацанов трудно было придумать.

Маша уже собралась уходить, как снова зазвонил телефон. Это была Ксюша, её лучшая подруга. Или бывшая лучшая подруга?

– Привет, Монроша, – раздался в трубке голос Ксюши. Она всегда называла Машу Монрошей, потому что та просто с ума сходила по всему, что было связано с этой женщиной. – Как жизнь молодая?

– Потихоньку. Ты прикинь, со мной сегодня заигрывал настоящий миллионер.

– Ого, быть такого не может! Точнее, может, конечно... В общем, рассказывай скорей, мир жаждет подробностей.

– Да особо и рассказывать нечего, это был хозяин здания, в котором располагается наша школа. Пытался взять у меня телефон, но я не дала.

– Что так?

– Нафига мне эти проблемы? К тому же он крутит роман с моей начальницей, так что...

– Эх, Мерилишка, тёмный ты человек, откуда ты вообще взялась такая непорочная?

– Мама с папой такой воспитали. И вообще – от непорочной слышу!

– Да если бы ты замутила с этим мужиком, тебе бы твоя собственная начальница пылинки с ног сдувала!

– А с чего ты взяла, что я этого хочу? Не стала и не стала, о чём тут ещё разговаривать, – раздражённо сказала Маша. Она любила Ксюшу, но терпеть не могла моменты, когда та лезла со своими советами.

– Ладно, как знаешь, твоя жизнь. Мы с Леной собираемся в «Вулкано», ты с нами?

– Какой там! Мне сейчас на тренировку, а потом ещё доклад по статистике делать, – проговорила Маша, благополучно умолчав о своём тотальном безденежье.

– Если что, подтягивайся. Ты знаешь, как нас найти, – с готовностью сказала Ксюша и повесила трубку. Тяжело вздохнув, Маша набросила лёгкую куртку, взяла спортивную сумку и вышла на улицу. Безлюдная автобусная остановка через дорогу от дома встретила её равнодушным молчанием.

Я теряю лучшую подругу, мрачно думала она, глядя на проезжающие мимо машины. Зачем я только познакомилась этих двоих? Лена перевелась к ним в группу в сентябре, ворвалась в их жизнь, словно локомотив, груженный фейерверками, и тут же покорила всех и вся. Парни летели на неё, как мотыльки на свечку, везде ей были рады, постоянно звали куда-то, так что она и дома-то редко появлялась... Машу вот нечасто куда-то звали, и она не понимала, в чём тут дело. Она ведь намного красивее Лены и знает намного больше её. «Вот потому, что слишком красивая, и не зовут, – сказал ей как-то Пашка, единственный парень из группы, не смотревший на неё свесив язык, впрочем, тайно влюблённый. – Боятся. Красота – страшная сила. Я сам обалдел, как в первый раз тебя увидел. Мне почему-то показалось, что ты настолько высокомерная, что нечего даже и пытаться заговорить с тобой».

Заскрипев шинами, напротив Маши остановился автобус, но девушка не села в него, ей нужно было совсем в другую сторону. Водитель долго смотрел на неё, как смотрят на мираж, потом словно очнулся, закрыл дверь и уехал, а Маша осталась сидеть. Да, той осенью она и сама не избежала чар этой Лены, чтоб ей пусто было. При первом же удобном случае пригласила её к себе в гости, а там уже познакомилась с Ксюшей, с которой они чуть ли не с пелёнок были вместе. Ещё уверена была, что положила начало большой дружбе, дурочка. Сперва, и правда, всё было супер, они всюду ходили только втроём, таскались по кафешкам и барам до утра, пока не выгоняли официанты, а когда Маша была совсем «на мели», Лена с Ксюшей тактично предлагали «просто погулять». А потом, через месяц, подругу словно подменили. Ксюшенька, такая умница, скромница, девочка-активистка студсовета, которая никогда не подведёт, в кого ж ты превратилась... В копию

Лены, этой двуличной, гнилой насквозь стервы, что улыбается в лицо, а за глаза поливает тебя грязью. Ксю, посмотри на себя, на кого ты похожа... Чёрт те что, а с боку бантик. Какой-то странный макияж, аляповатые шмотки, развратные аватарки – к чему это всё? Ну не стать тебе второй Мадонной, не стать. Уже и добрые люди стали шептать мне на ушко, что ты гуляешь с Леной тайком от меня... А ещё лучшая подруга называется! Вот и теперь эти нотки облегчения в твоём голосе...

Наконец подъехал её автобус. Едва девушка вошла, какой-то мужчина тут же бросился уступать ей место, остальные пассажиры не спускали с неё глаз. Вежливо отказавшись, Маша осталась стоять – ехать ей было не так далеко. Чтобы хоть как-то отвлечься от тягостных мыслей, она стала думать о танцах. Танцы были не вполне обычными, Маша танцевала стриптиз в специализированной школе. Никто, кроме её парня и Ксюши, не знал об этом её увлечении. Она, казалось, перепробовала всё на свете – начинала с балльных, потом переключилась на современную хореографию, но быстро бросила, какое-то время увлекалась чирлидингом, от которого тоже довольно скоро отказалась. Всё это было совсем не то. Танец... Она даже не знала, какими словами выразить это чувство, каким он должен быть. До начала занятий стриптизом каждый хореограф считал своим долгом сказать ей что-нибудь вроде: «Почувствуй себя птицей, лети...» Но дело в том, что Маша не была птицей, она была кошкой.

Однажды на студенческом вечере она случайно познакомилась с Варей, преподававшей в этой самой школе пол-дэнс. Эта грациозная нимфочка, как же она классно двигалась в танце... Маша похвалила её пластику, они разболтались, и Варя уговорила Машу попробовать. Сперва ничегошеньки не получалось – и руки тряслись, как у немощной старухи, не в силах удержать тело на пилоне, и пальцы то и дело разжимались в самый неподходящий момент. Сколько шишек она тогда набила, сколько синяков... Впрочем, скоро упорство дало свои плоды. Какой кайф она испытала, правильно исполнив свой первый в жизни элемент! Столько радости она не чувствовала со дня своего последнего свидания. И всё равно было мало, мало! Лишь перейдя из любопытства в группу стриптиза, она впервые в жизни почувствовала полное удовлетворение. Ещё бы, она, наконец, нашла себя!

В подвале неприметного здания с железной дверью на краю города, куда мужчинам был вход заказан, в уютном зеркальном зале со множеством шестов Маша находила убежище от того мира, в который каждый раз была вынуждена возвращаться. С каждым плавным движением тела, с каждой снятой с себя под музыку вещь она освобождалась от оков, мягкие подушечки лап осторожно ступали, изумрудные глаза светились в полумраке. Она не собиралась демонстрировать никому своё искусство, никому, кроме НЕГО. В университете она ходила без макияжа, в бесформенной толстовке и джинсах, под которыми, впрочем, всегда скрывалось хорошее кружевное бельё. Никто за пределами школы не знал, на что она способна, оказавшись один на один с шестом. Только ОН знал.

Основная преподавательница по стриптизу заболела, и сегодня её заменяла Варя. Коньком Вари была акробатика, Маша ждала новых трюков на пилоне, но Варя сказала: «Сегодня практикуем приват», – и разбила девочек на пары, избрав своей напарницей Машу. Включив музыку, она пёрышком приземлилась на резной стул и смотрела, вся в ожидании. Гигантские накладные ресницы завораживали, выразительный взгляд немигающих глаз обездвиживал, и Маша никак не решалась начать. Лишь когда блестящие розовые губки Вари послали ей невидимый поцелуй, Маша робко ступила вперёд. Тонкая рука с нежной белой кожей плавно скользит по талии куда-то вниз, Маша кошачьей походкой движется по кругу. Под игривой улыбкой Вари лёд отточенных движений тихо тает, Маша вспыхивает и выпускает когти. Красные стены зала, огромные зеркала и лес пилонов вокруг плывут где-то вдаль, еле различимые в сизой дымке, будто их и нет, она – Гвенви-вар, кошка, что охотится в пустоте. Приятное тепло в мышцах, как от бокала хорошего вина, мурашки по коже от каждого прикосновения к телу, она медленно сходит с ума, в какой-то момент она даже закатывает глаза и едва не теряет равновесие. Варя перед ней,

как статуэтка из слоновой кости, неотрывно следит стеклянными глазами и улыбается, будто тайком, так что Маша чувствует почти непреодолимое желание прикоснуться к ней, провести рукой по этой коже, ощутить упругость этой нагло стоящей груди, попробовать Варю на вкус... Хвост плетью стегает горячий воздух, шерсть лоснится в тусклых огнях... В какой-то момент она вся сжимается в комок, готовая броситься, впиться в эту нежную плоть, свернуть эту птичью шейку, испить...

– Достаточно, – остудил её голос Вари. – Это если не гениально, то очень и очень хорошо. Даже я тебя захотела.

– Что? – хлопая ресницами, спросила Маша. Наваждение пропало.

– У тебя большой талант к привату. При желании ты могла бы сделать на этом состояние. Поработай пока у зеркала, я должна посмотреть, как справляются остальные. После занятий не забудь подойти ко мне, у меня есть кое-что для тебя...

Когда урок был окончен, и все девочки отправились в раздевалку, Варя первой подошла к Маше.

– Вот, держи, – сказала она. – На случай, если очень нужны будут деньги, – и протянула Маше визитную карточку. Стриптиз-клуб «Инферно». «Приглашаются в качестве танцовщиц девушки от восемнадцати лет, опыт работы приветствуется, заработная плата достойная».

Домой Маша возвращалась, когда солнце уже село и на город опустились первые сумерки. Громады многоэтажек чернели по краям узкой дорожки света, что выхватывали из пустоты пока ещё живые фонари. Казалось, за пределами этой дорожки нет никого и ничего, но Маша чувствовала жизнь, ничуть не замершую с заходом светила, и даже наоборот, бурлившую с новой силой. Где-то на девятом этаже из окна доносилась музыка, в кустах слева и справа слышались шорохи и тяжёлые шаги. Кто-то хрипло покашливал и негромко переговаривался на лавочке под липами, а группа чёрных силуэтов у киоска пускала дым и заливалась, как стая гиен. «Гляди, да вот же, мимо идёт», – услышала Маша из темноты и прибавила шагу. У подъезда сидели несколько парней, они пили пиво. Стоило Маше подойти к двери с домофоном и начать копаться в сумке в поисках ключа, разговоры стихли. Мобильник, косметичка, сменка... Да где же этот чёртов ключ? Вот он. Тёплый металл звякнул об холодный, и чёрная пасть дверного проёма проглотила её. Тишина и темнота обступили со всех сторон – видимо, лампочку опять кто-то разбил. Маша прислушалась и не услышала ничего. Хотя нет, что там? Дыхание. Чуть прерывистое, тихое дыхание и стук. Это же стук её сердца. Маша закрыла глаза и пошла вслепую по лестнице на свой этаж. Эту дорогу она проделывала тысячи раз. Снова пара манипуляций с ключом, и она дома. И снова тишина, девчонки уже спят. Какой уж тут доклад. Чувствуется, семинар по статистике она завтра пробьёт...

Разуться, положить сумку на комод, сбросить с себя шмотки, швырнуть их в корзину для стирки, включить воду в ванной и десять минут крутиться перед зеркалом, отыскивая новые складки на боках. С трудом найти одну, маленькую, расстроиться по привычке. Смыть надоевший макияж, заняться личной гигиеной. Выпить большую кружку воды, на цыпочках пройти к себе, в темноте нащупать диван, раздвинуть его и скользнуть под одеяло. Десять минут слушать лай собак и грохот трамвая под окнами. Вспомнить, как Ксюша описывала свой секс с последним хахалем. Они познакомились в интернете, она просто позвала его к себе, когда предки свалили на дачу, и они занялись этим прямо в прихожей. Как это, должно быть, здорово... А ведь у Ксюши теперь мужиков больше было, чем у неё. У неё вообще не было мужиков, только ОН. Маша закрыла глаза и представила, как ЕГО горячие ладони скользят по её бёдрам. Где-то внизу живота занялся маленький костёр, и девушка инстинктивно протянула ему свою руку... Пламя вовсе не обжигает, оно согревает тогда, когда это не может сделать кто-то другой. Через пятнадцать минут она уже спала крепким сном, и даже выстрел из пушки, не говоря уже о трамвае с собаками, не смог бы её разбудить.

На следующий день Маша в привычной толстовке, ненакрашенная и непричёсанная, сидела на паре в полупустом лекционном зале. Преподаша по бухучёту что-то уныло бубнила себе под нос. Пришедшие на лекцию студенты давно отчаялись понять, что она говорит, отбивая пару, как неизбежное наказание. На душе у девушки скреблись кошки – сегодня она потратит последние деньги на продукты, купит всего по мелочи – рис, картошку, макароны, тушёнку, хлеб, – и тогда у неё останется совсем чуть-чуть, на проезд. Деньги от парня ещё не пришли, от родителей помощи ждать было бессмысленно, а до зарплаты ещё далеко. Надо было срочно что-то решать...

Покопавшись в сумочке, Маша достала крохотную визитную карточку «Инферно», что ей вчера дала Варя. Девочки говорят, что около сорока штук в месяц выходит, и это не считая тех «чаевых», что оставляют клиенты. Сорок тысяч в месяц... Это же целое состояние! До этого она как-то умудрялась выживать на шестёрку, что высылали родители, да на нерегулярную поддержку парня, но если у неё будет такая работа... У Маши аж круги поплыли перед глазами от мыслей, сколько всего можно купить и сделать на эти сорок тысяч... С одной такой зарплаты она могла бы полностью обновить себе гардероб, а потом со временем переехать в отдельную квартиру. Она могла бы запросто позволить себе билет на самолёт в другой конец страны, где сейчас живёт и учится ОН. Губы Маши сами расцвели в широкой улыбке от мысли, какое у него было бы глупое и счастливое лицо, когда он встретил бы её в аэропорту...

– Что это у тебя? – спросил Пашка, секунду назад дрыхнувший рядышком.

– Ничего, – буркнула она и быстро спрятала визитку. – Не твоё дело.

– Ой, ну прямо даже и спросить нельзя, – скривился одноклассник и хотел было снова бухнуться спать, как вдруг какой-то шум привлёк его внимание. Человек шесть сгрудились на задних рядах и шушукались оживлённо о чём-то, издавая громкие смешки. – Гляди-ка, наш Антонио из Штатов вернулся.

Приглядевшись, Маша увидела черноволосого кудрявого парня с брутальной трёхдневной щетиной, из-за которого и был весь шум. Непрерывно жестикулируя, он рассказывал что-то громким шёпотом, отчего окруживших его ребят то и дело душили приступы беззвучного хохота. Один так и вовсе корчился на парте, обливаясь слезами, так что Маше даже самой стало смешно, глядя на него. Антонио был очень красив собой, и девушка, сама не зная как, вдруг почувствовала влечение.

– Пашка, кто это такой?

– Это Антон, он на год старше нас учился. На третьем курсе укатил в Америку на стажировку на целый год, теперь вот вернулся и снова на курсе восстановился.

– Как это он в конце учебного года восстановился?

– Не знаю, может просто так к друзьям пришёл.

– А почему я его раньше не видела?

– А когда ты вообще хоть что-то видела, ты ж всё время в себе, по сторонам не смотришь...

И то правда. Знакомые часто обижались на Машу за то, что она не здоровалась с ними, встретив в коридоре. А она и вовсе их не замечала, погружённая в свои мысли.

– Американец, значит. Антонио... – мечтательно протянула девушка. – Как бы мне с ним познакомиться...

– Понятия не имею, – зло отозвался Пашка. – Спроси у него что-нибудь про Америку. Или скажи, что тебе нужен репетитор по английскому...

Идея была неплохая, и Маша твёрдо решила, что так и сделает при первом же удобном случае.

– Пашка, да ты голова! – сказала она и потрепала одноклассника по волосам. Тот лишь поморщился и отвернулся. Он всегда так реагировал, когда она говорила о других парнях.

Когда пара кончилась, Маша без лишних слов подошла прямо к Антонио, окружённым приятелями, и спросила, не хочет ли он позаниматься с ней английским, чтобы ей проще было сдать экзамен. И хотя в воздухе вокруг неё и Антона тут же повисла изнывающая от любопытства тишина, он оставил ей свой номер и предложил созвониться на досуге. Чего ещё было желать?

На работу Маша летела, как на крыльях. Как он на меня смотрел! – думала она. – А как эти его друзья переглядывались! Интересно, что он подумал, когда я предложила ему встретиться? Ничего дурного, надеюсь, это ведь всего лишь встреча. А ЕМУ я ничего не скажу, или скажу, что встречалась с подружкой. Зачем кому-то вообще об этом знать? Имею я право, в конце концов, встречаться с кем захочу? Ведь никто никому ничего не должен, никто ничего не обещал, и клятвы не давал, и штампа в паспорте, вроде, пока тоже нет... Но какой же Антон красивый! Даже лучше, чем тот, что вчера подбегал на лестнице...

Радость от предстоящей встречи с заезжим красавчиком быстро растворилась, стоило ей встретиться взглядом с начальницей, увидеть гору бумаг, которые предстояло разгрести, и заглянуть в кошелёк. Там было пусто. Разобрав бумаги примерно наполовину, Маша поняла, что больше ждать нельзя, надо действовать. Достав визитку клуба «Инферно», она немыми пальцами набрала номер и позвонила. Ответил приятный женский голос.

– Ночной клуб «Инферно». Чем я могу вам помочь?

От волнения Маша, казалось, на миг позабыла родную речь.

– Я... э-э... Здравствуйте! Я хотела бы устроиться к вам на работу! Танцовщицей.

– Замечательно! У нас как раз на следующей неделе кастинг, туда и подходите. Адрес знаете?

– Д-да, у меня записано.

– Тогда мы ждём вас в пятницу в шесть часов. Не опаздывайте. Форма одежды... Думаю, комментарии тут излишни.

– Да, спасибо, я всё поняла, я приду, – проговорила Маша и положила трубку. Боже мой, зачем она это сделала...

Внезапно трубка в онемевшей ладони громко задребезжала, так что Маша едва не выронила её. Это звонил ОН... Отвечать или нет? – подумала она. – Подозрительно как-то будет, если я не отвечу. А с другой стороны, всегда можно сказать, что была занята, что начальница задержала. Да мало ли какой лабуды можно наплести, – главное, чтобы он ни о чём не догадался и не спросил, потому что если спросит, то расколуюсь тут же. Чтоб её, эту чёртову искренность – и какой идиот только решил, будто она помогает по жизни? Ведь это же бред! А трубка всё звонит и звонит, зараза. Ну что ж ты у меня такой настойчивый, милый мой, хороший? Ты разве не понял до сих пор, что я занята, что я не могу сейчас разговаривать? Да и потом тоже не смогу... Никогда уже не смогу с тобой нормально разговаривать, потому что это всё будет ложь, ложь, ложь. Ну, клади ты уже свой телефон в карман и иди по делам, тебе что, нечем заняться? Ты же всегда у нас так сильно занят, а на меня у тебя времени едва ли остаётся, ты же у нас хочешь покорить весь мир, горы сдвинуть! Куда тебе до маленькой и глупой меня, которую угораздило оказаться в этой дыре, забытой и никому не нужной?

– Возьми ты уже телефон, сил же никаких нет! – высунулась из двери напротив сморщенная физиономия училки по английскому и тут же исчезла. Это было так неожиданно, что Маша нажала «Принять вызов» и поднесла трубку к уху.

– А-алло, да. Да я на работе ещё, не могла говорить. Ты как? Да ерунда, могу. У меня уже почти конец рабочего дня, я как раз собиралась уходить. Солнышко, нет, я ещё не проверяла счёт, но в любом случае, спасибо, что прислал. Ты даже не представляешь, как ты мне опять помог. У меня сегодня как раз закончились деньги. Да, вот так. Вообще закончились, даже на проезд нет, я домой пешком сегодня иду. Ничего, минут двадцать, иногда это даже полезно. Дома у меня есть кое-какие продукты, да и девчонки что-нибудь

приносят иногда, так что с голоду бы не померла. Нет, даже не начинай опять про моего отца, я сейчас не хочу об этом говорить. Что значит – у меня не такой голос? А какой у меня должен быть голос? Не выдумывай. О каких глупостях ты говоришь? Разумеется, я бы не стала совершать никаких глупостей. Ты что, мне не доверяешь? Скоро уже будет четыре года, как мы вместе, а ты так и не научился доверять. Нет, ну я же слышу интонацию... Вот скажи мне, кем ты меня считаешь? По-твоему, я шлюха, да? Нет, а кто тогда? Думаешь, если бы я была шлюха, я бы сидела так каждый день в ожидании звонка? Не надо меня успокаивать, оставь себе все эти нежности. И вообще, я сейчас занята. Да, вот так.

И она положила трубку. Даже не попрощавшись. Такого резкого поворота от себя она никак не ожидала. Сколько раз они ссорились с НИМ именно из-за этого – из-за того, что она бросала трубку. Просто так, потому что ей нечего было больше сказать. Как только она чувствовала, что слова повисают в горле, пальцы сами собой нажимали на сброс. В итоге – ссоры, ссоры, ссоры, бесконечные и утомительные. Но зато сколько счастья потом, когда миришься, когда он тебя простил и говорит своим напускным строгим тоном: «Больше так не делай!». А ты ему: «Хорошо, милый!» И так сразу легко на душе, будто свежего воздуха после дождя глотнула, и хочется приехать к нему домой, постучаться так робко, словно нашкодившая кошка, что скребётся в двери к хозяину, и с лукавой улыбкой сказать «Привет!», когда он откроет дверь и будет стоять на пороге ошеломлённый, а потом набросится на тебя, схватит жадными руками и зацелует всю... Но это было уже так давно, что иногда невольно задаёшься вопросом: со мной ли?

Трубка снова задребезжала, сердито и возмущённо – это звонил ОН, и она уже знала каждое слово, что он ей скажет. Всё это уже даже не напоминало дежавю – скорее какую-то заевшую пластинку на старом граммофоне. Маше не хотелось её слушать.

– У тебя опять телефон звонит, – сказала англичанка, выходя из кабинета и запирая за собой дверь.

– Я знаю.

– Ты не собираешься брать?

– Нет. Это мой парень, и мы опять ссоримся.

На стене громко тикали большие офисные часы. Рабочий день кончился, Маша могла уйти ещё пять минут назад.

– Ты его любишь? – спросила англичанка. Какое этой мымре вообще дело до её проблем?

– Я не знаю, – снова неожиданно для себя сказала Маша и нажала на «сброс». Да что с ней сегодня такое?

– То есть как это – не знаешь?

– Вот не знаю, и всё. Иногда, кажется, так и бросила бы всё здесь, и уехала туда к нему, на край света.

– Это ты на краю света, милая моя... – покачала головой англичанка.

– А иногда идёшь по универу и думаешь: Господи, ну за что мне всё это? Почему в этой жизни именно мне так не повезло? Почему у моих подруг нормальные отцы, которые балуют своих дочерей, могут просто так приехать и сказать: «Доча, я тут тебе айфон купил», а у меня нет? Почему у них у всех, девчонок, парни живут в одном с ними городе, дарят им цветы, да чёрт с ними, с цветами – просто могут прийти и обнять в любой момент, а у меня нет даже этого? И вроде бы он звонит каждый день, и я уже привыкла давно, и живу одним только его голосом, но просто хочется иногда не слушать никаких нежных слов, хочется, чтобы тебя просто обняли, прижали к себе и не отпускали. Разве я так много прошу?

– А чего ты тогда за него так держишься, если даже не знаешь, любишь ты его или нет? Разве мало вокруг молодых людей?

– В том то и дело, что много. Иногда даже слишком много. Так много, что кажется, словно жизнь мимо проходит.

– Так брось его и найди себе что поближе.

– Такого, как он? Здесь? Это маловероятно. Да и не смогу я его бросить. У меня сил не хватит, чтобы это сделать.

– Тогда сделай так, чтобы он тебя бросил. На это у тебя сил точно хватит.

Тут Маша впервые внимательно посмотрела на англичанку, до этого та была для неё чем-то материально невоплощённым, а тут внезапно обрела тело. С удивлением для себя Маша подумала, что когда-то и эта бальзаковская лысеющая мымра была молодой и, может быть, даже красивой. В далёком, сгинувшем советском прошлом.

– Я сегодня видела, как Наталья Николаевна плакала, – сказала англичанка. – Я зашла к ней в кабинет после обеда за журналом и увидела, как она вытирала слёзы.

– Наша Наталья Николаевна? – не поверила Маша. Ей всегда казалось, что слёзные железы у этой стальной бабы атрофировались ещё в момент сборки на местном автозаводе. – С чего бы ей плакать? Дела у школы вроде неплохо идут.

– Она мне, естественно, не сказала, но думаю, это она над своей несчастной судьбой слёзы льёт. Ты тут новенькая – историю её не знаешь?

– Кто б мне рассказал...

– Она тоже в своё время, как а ты, ждала с моря погоды. Не такая красивая, правда, но парни всё равно заглядывались. Многие ухаживали, и она даже вышла за одного за муж, но долго это не продлилось. Год, от силы два. Муж у неё, как только женился, так перестал работать. Не сразу – постепенно. Сначала рисовал ей какие-то волшебные замки, обещал бизнес открыть, разбогатеть... Так красиво пел, что она не сразу его раскусила. Только потом уже поняла, что на альфонса попала. Он каждый раз извинялся, денег у неё просил, говорил, что вернёт, когда разбогатеет.

– И потом что?

– Ну что, терпение у неё кончилось, она его к стенке припёрла, так ничего путного не добила и в итоге вышвырнула из дома. Он в чём был, в том ушёл к матери. Это лет пять назад было, как раз она школу эту открыла.

– И что, за пять лет она не смогла себе найти мужа?

– Не смогла. Говорит, утратила веру в мужчин. Мол, измельчал мужик. Все настоящие повывелись, только в кино остались. Ни одного к себе на метр не подпускала всё это время.

– Понятно теперь, чего она такая злая целыми дням ходит.

– Она не злая, а очень несчастная. Посуди сама, где в нашем городе молодой, сильной, преуспевающей женщине найти себе нормального мужика? Кругом одни алкаши да импотенты. А сейчас ей уже тридцать, некоторые мамы своих детей к этому возрасту уже в школу ведут, а она всё одна.

– А как же этот – миллионер её, Али? – спросила Маша, поглядывая на телефон, не зазвонит ли снова?

– Не думаю, что это у них серьёзно, она и сама это понимает. У них это всё недавно началось, мы как раз переехали в это здание, которым Али владеет. Для него эти шуры-муры – так, интрижка, ничего больше. Когда у тебя столько денег, совсем по-другому начинаешь и на людей вокруг смотреть, и на мир.

– Зачем вы мне вообще всё это рассказали?

Англичанка пристально посмотрела на Машу сквозь свои массивные увеличительные стёкла.

– А ты сама не догадываешься? Не сиди на попе, не жди, пока счастье само в руки приплывёт. За ним ещё нужно побегать. Сдай за меня ключ на вахту, пожалуйста, – и, набросив на плечи серое драповое пальто, преподша отдала Маше ключ и ушла.

Как только дверь за англичанкой закрылась, телефон снова зазвонил. На выдавшем виды экране высветилась их общая фотография, которую они сделали в аэропорту в последний раз, когда ОН прилетал в город под Новый год. Она тогда ждала, наверное, целый час, потому что рейс, как всегда, задержали, якобы из-за тумана, и Маша вся извелась, по-

ка самолёт отгоняли на стоянку, пока пассажиры получали багаж за стеклом. Она увидела ЕГО через тонкую стеклянную стенку и почувствовала себя золотой рыбкой в аквариуме, подозревающей, что где-то там есть большой и интересный мир, но самой ей в него ни за что не попасть. Зато потом она была вознаграждена за все томительные часы, дни, месяцы ожидания, она чуть с ума тогда не сошла. Казалось, человек не может испытать столько счастья, не может так сильно любить, чтобы у него от напряжения не разорвалось сердце. Стеклянная дверца со скрипом отъехала в сторону, и ОН, бросив свои чемоданы, рванул к ней и подхватил её на руки как пушинку, и целовал, целовал, целовал, пока другие прилетевшие отводили взгляды и смущённо улыбались. В тот момент, у него на руках, она достала телефон и сфотографировала их обоих, чтобы каждый раз, глядя на фотографию, испытывать хоть одну сотую того невероятного счастья, что захлестнуло её. Но сейчас она смотрела на фото, и сердце предательски молчало. Наконец, она решилась.

– Алло. Можешь не начинать, я знаю, что была не права, я прошу у тебя прощения. Да. Больше не буду. Блин, я же сказала, не начинай, я не хочу опять ссориться по этому поводу! Я не ору на тебя, успокойся. Нет, я здесь одна, нас никто не слышит. Потому что появились кое-какие дела. Зачем тебе знать? Лучше расскажи, что произошло у тебя, – и Маша надолго замолчала, слушая этот спокойный красивый голос, говоривший ей о вещах, бесконечно от неё далёких и потому не вполне интересных. Время от времени она переспрашивала отдельные непонятные слова, хмыкала, когда ОН пытался шутить, в чём-то поддакивала, – в общем, старалась показать участие. Все его подобные рассказы обычно заканчивались словами «Что мы всё обо мне да обо мне?», и тогда она пересказывала последние сплетни из универа, жаловалась ему на свою фигуру – ей всё казалось, что она толстая, – сетовала на низкую зарплату и безденежье, перечисляла всех, кто с ней заигрывал за последнее время, убеждая, впрочем, что кроме него ей никто не нужен. Ещё они очень много говорили о сексе. Когда ты надолго и вынужденно чего-то лишён, на ум не приходит ничего иного, кроме как обсуждать это до посинения. Но теперь ей вдруг всё это опротивело. Стоило ему начать очередной свой радужный рассказ о какой-то маленькой, но приятной победе, к горлу подкатил ком. Нет, она не завидовала, хотя и замечала за собой это чувство, просто это всё больше стало напоминать ей какую-то пошлую драму на фоне картонных декораций, грубо размалёванных для прогорающего театра.

– Знаешь, – вдруг перебила она его, – мне сегодня приснился сон. Я уже говорила, какие яркие мне снятся сны. И в этом тоже всё было почти как в жизни. Мне приснилось, что на нас напали фашисты, как в сорок первом. В какой-то момент рано утром началась бомбёжка, весь город встал на уши, люди носились по улицам и кричали, а над самыми крышами домов пролетали бомбардировщики и сбрасывали снаряды. Бомбы падали, дома тряслись от страшных взрывов, во все стороны летели ошмётки кирпича и бетона, осколки стекла, облака пыли поднимались до неба, повсюду что-то горело. Я бежала сквозь дым и пепел к своему дому, где, я точно знала, была вся моя родня – родители, тётя с дядей, бабушка с дедушкой, младший брат и даже лучшая подруга. Я была почему-то уверена, что стоит попасть домой, и всё наладится, я смогу их всех защитить, но когда я уже подбегала к подъезду, прямо в окна нашей квартиры угодила здоровенная бомба. Взрыв был такой силы, что я упала и потеряла сознание, а когда пришла в себя, на месте дома была лишь груда обломков. Подожди, не перебивай, пожалуйста, дослушай до конца. И я стою, смотрю на эту гору кирпича и от шока не могу даже заплакать. Всё, что было мне дорого, погребено под этими кирпичами, все самые дорогие мне люди. Куда мне теперь идти, что делать, зачем мне вообще теперь жить? И я пошла, куда глаза глядят, и вдруг вижу, что вокруг меня квартал, который не тронула бомбёжка. Новенькие высотные дома, чистые и светлые дворы, хороший асфальт на дорогах, клумбы с цветами, фонари не разбиты, плитка на тротуарах. Тут из-за поворота выворачивает красивая красная машина, кабриолет. Там сидят какие-то парни с девушками, смеются громко, им весело. Среди них я вижу тебя, ты сидишь рядом с водителем. Я подбегаю к тебе и кричу: «Фашисты напали, надо скорей уезжать!», а ты на меня смотришь с недоумением, и твои дружки на меня ко-

сятся, как на ненормальную: «Ты что, какие фашисты? Посмотри вокруг, всё же хорошо!» Тогда я начинаю реветь, рассказываю, как бомба попала в мой дом, как все, кого я любила, погибли, а ты только головой качаешь и говоришь: «Это всё неправда, этого не могло случиться, всё хорошо. Садись лучше к нам. Мы как раз едем в кафе есть мороженое». Вот так вот, мороженое есть, ни больше, ни меньше. Я знаю, что реальность и сон между собой не связаны, и что в жизни ты бы так не сказал, но тогда, во сне, когда всё было так реально, мне захотелось тебя убить. Просто придушить на месте. Я поражалась, как ты можешь говорить такие вещи, когда мои родители погибли? Я и проснулась с этим чувством, и у меня ушло утром минут пятнадцать, чтобы убедить себя, что это и правда был сон. Кстати, я устроилась на новую работу. Я буду танцевать стриптиз.

После этих слов они опять поссорились. Он долго не мог поверить, что она его не разыгрывает, потом уговаривал, словно заклинание повторяя: «Откажись от этой затеи, откажись, откажись, откажись». Говорил, что стриптиз – первый шаг к проституции, что половина стрипклубов – это замаскированные бордели, что оказывать интим-услуги клиентам входит в непосредственные обязанности стриптизёрш. Рисовал мерзкие картины того, как она будет раздеваться, пронзаемая насквозь сотней похотливых глаз, так что Маше в какой-то момент показалось, что её сейчас вырвет. Заклинал не ходить даже на этот кастинг, потому что это станет началом конца их любви, что он никогда не станет терпилой, смирившимся с такой работой своей девушки, что страшнее этого может только быть мужем проститутки и подбрасывать её на машине к клиентам, – мол, такое частенько практикуется в той же Европе. Маша слушала всё это, проглотив язык. Слова не то что застряли у неё в горле – они умерли ещё в утробе, так и не родившись. Лишь когда он задался вопросом: что на всё это скажут её родители? – она не выдержала. Если не стриптиз, то что тогда? Она стёрла себе все сапоги, пока обивала пороги этих чёртовых контор. Никто не берёт студентку без опыта работы, да ещё и на сокращённый рабочий день. Знал бы он, сколько гадостей ей предлагали, сколько раз смотрели на неё, как на игрушку, как на товар? Наступит зима, а у неё нет нормального пальто или пуховика, не говоря уже об обуви. Те сапоги, что у неё есть, она носит уже третий год, они прослужат ещё немного, но до весны явно не дотянут. Где ей взять деньги на все эти обновки, на новую косметику, на квартиру, ведь у неё каждый рубль на счету? Отец никогда ей не даст ни копейки, а мать с братом и так с хлеба на воду перебиваются. Она устала заниматься у подруг и соседок, те уже косятся на неё при встрече, а у Светы, что пашет на хостесе, дела едва ли не хуже, чем у неё самой, её вообще лишили зарплаты. Он ещё слишком молод, у него нет постоянного заработка, чтобы обеспечить её. Те крохи, что он зарабатывает своими подработками, дают ей не помереть с голоду, она очень ему благодарна, но этого всё равно мало, бесконечно мало! А если бы она пошла танцевать стриптиз, она могла бы получать сорок штук в месяц. Сорок штук! Снимать отдельную квартиру, ни от кого не зависеть, покупать любые шмотки, в ресторане питаться хоть каждый день! Не было бы этих сочувствующих взглядов Ксюши, с которой она даже кофе после пар выпить не может, не было бы снисходительных ухмылок Лены, не было бы этого постоянного страха как перед концом света, а были бы уверенность и спокойствие. И всё это только за то, чтобы поработать несколько часов ночью, раздеться под музыку, то есть делать то, что ей нравится больше всего на свете! Да, согласна, ей было бы тяжело первое время, но она перешагнула бы через себя, ведь все так делают, ведь часто жизнь складывается совсем не так, как мы хотим. Что, счастье? Пускай не рассказывает ей о счастье! Кто ему сказал, что, переступив через себя, она уже никогда не почувствует настоящего счастья, как в детстве? Кто сказал, что деньги не принесут радости, а будет только сожаление? У него всегда была богатая фантазия, но тут она уже переходит все границы. Ему повезло, у него никогда не было таких проблем, никогда не приходилось бороться за кусок хлеба, и слава Богу! Она не завидует, она очень рада за него, правда, но пусть он прекратит жить в этом своём маленьком позолоченном мирке, где всё всегда складывается так идеально! Мир не такой, как он его себе представляет, он другой, он страшный и злой, он враждебный и холодный, и согреет его

только тот, кто ободрал себе кожу на руках, собирая обледеневший хворост. Если он не принимает её со всем её проблемами, не лучше ли ему бросить её? Она давно бы нашла себе какого-нибудь папика, какие уже раз пятьсот попадались ей на пути... А что, в самом деле, жила б себе на его деньги припеваючи, занималась тем, что ей действительно нравится, не дрожа над каждой копеечкой. Многие так живут, а кто кричит про высокие идеалы и совесть, тот сам не жил так, как она, и не знает, что это такое! Ах, он не ждал от неё таких слов? При чём здесь вообще любовь? Как его любовь поможет ей купить продуктов на выходные, подыскать новые туфли, заплатить за квартиру в следующем месяце? Он молчит, он думает только о себе, о своей якобы задетой чести, об униженном самолюбии и оскорблённых чувствах. А она думает о том, что будет есть сегодня на ужин. Теперь это гречка, завтра макароны, потом картошка, а дальше? Как он любит это словечко «мещанство». Он всегда его употребляет, когда она говорит о «хлебе насущном». Пусть он простит её, она не шлюха и не предательница, она мещанка. Алло, алло, трубка отзывается короткими гудками, где-то за шесть тысяч километров нажали на «сброс». А может, у него кончились деньги, всё-таки они говорили больше часа... В любом случае, на улице уже стемнело, надо скорее добраться до дома, на завтра нужно делать много домашки, но она, скорее всего, забудёт. Сегодня она уже ни на что не способна, её выпили до дна...

III

На следующий день Маша встречалась с Антонио, которого уже за глаза прозвала «американцем». Он был высок, широкоплеч и очень красив. Может быть, даже красивее её парня. Чувство юмора у него однозначно лучше, да и сложен он не в пример ЕМУ. Они сидели в кафе и болтали. Маша поглощала самый, наверное, вкусный торт, который она когда-либо пробовала, а американец заливался соловьём. Естественно, счёт оплатил он, и Маша, обычно подчёркнуто независимая, сейчас благодарно промолчала. Они начали было говорить по-английски, какой изначально и был уговор, но Маша быстро свела всё к флирту, в упор расстреляв Антонио своими большущими горящими глазами. Заметил ли он, как она на него пялится? Что он думает о её фигуре, интересно? Такому, как он, должен нравиться её тип, иначе как было бы неприятно узнать, что его влекут длинноногие худышки! Что-то он такое рассказывает интересное, что-то об Америке, он ведь почти полгода прожил в городе Ангелов, его и внешне от американца не отличить. Чётко очерченные скулы, большие, вечно ухмыляющиеся губы, умный взгляд с прищуром, прямой нос, подбородок, как у героев голливудских боевиков, небритый, правда, но это ничего, ему даже идёт. А голос такой мягкий и приятный, так бы и слушать его, лишь бы он не замолкал, а говорил, говорил, говорил... Ещё у него большие мускулистые руки, он ведь спортсмен, перепробовал почти все экстремальные виды спорта – и парашют, и сноуборд, и сёрфинг, и горный велик, и банджи джампинг, и чего только не было. Они просидели в кафе часа два, и всё это время Маша не переставала пожирать американца глазами. Уже с первых секунд, стоило ему поздороваться с ней по-английски, она поняла, что хочет его, да так сильно, как уже давно никого не хотела. Её всегда возбуждали умные мужчины, именно так её парню и удалось заполучить её в первый раз, он сразил её своим интеллектом, и теперь вот этот красавчик ничуть ему не уступал, а в чём-то даже и превосходил. Боже, если б она только могла оказаться с ним наедине, он был бы не жилец – растерзала бы на тряпочки вот этими вот самыми ногтями. А этот в постели хорош, видно по взгляду, бр-р-р, аж мурашки по коже. Что же он о ней думает, что думает, что, что, что? Но нельзя же вот так в лоб, сразу, это как шахматы, детский мат тут не поставишь, придётся вести долгую и напряжённую игру...

Из кафе Маша не вышла, а вылетела, паря на высоте примерно трёх сантиметров от земли. Он проводил её почти до самого подъезда, и если бы Маша не была точно уверена, что соседки дома, то обязательно пригласила бы к себе на чашечку кофе, а там... Её пустующий диван страшно обрадовался бы новому гостю. Но вот он вежливо прощается с

ней, дружески целует в щёчку и не спеша бредёт прочь. Задница у него тоже что надо. Маша, соберись, ты вся дрожишь, как восьмиклассница. Конечно, понятно, что у тебя уже три месяца ничего не было, но так ведь тоже нельзя.

Её парень не звонил ей в тот день, и на следующий тоже не позвонил. Лишь на третий день трубка робко зазвенела, и смущённый голос, который она едва узнала, начал лепетать какой-то невразумительный бред, снова умоляя её отказаться от танцев. Что это, что случилось? Куда делось её благоговение, где её нежность и страсть? Она уже позволяет себе почти насмеяться над ним и говорить эти колкости... Не морщись так, дружок, а то прямо отсюда вижу твою озадаченную физиономию. Я не буду больше прыгать и вилять хвостиком, как маленькая собачка. Да, ты был всем, ты заменял собою солнце когда-то, но сейчас твой свет погас, твои лучи больше не греют, а мне ведь так хочется тепла. Я рассказала тебе про очередного придурка, который ко мне клеился, и даже не исключила варианта, что сходила бы с ним куда-то, а ты это проглотил, как горькую пилюлю. Я напомнила тебе, как ты нелепо и жалко выглядишь в тех шмотках, что тебе покупает твоя мама. О, вот оно, голос изменился. Не понравилось, хе-хе. Не всё тебе слушать дифирамбы, милый мой! Да, ты не самостоятельный, ты меня правильно понял. Вспомни хотя бы те дни, когда мы жили вдвоём в одной квартире как муж и жена, ты же не мог делать даже элементарных вещей по хозяйству. Ну и что, то ты сейчас живёшь один? Почти уверена, что в твоей комнате сейчас такой же бардак, как тогда. Тебе бы взять себе в жёны кухарку или уборщицу, на кой чёрт я тебе сдалась? Дыши глубже, зайчик мой, пытка только началась. Терпи, терпи. Не хочешь ли ты сказать, что сдуешься сразу же после таких невинных подколов? Кстати, у меня сегодня встреча с одним знакомым. Какая разница, с каким? Хороший мальчик, пригласил меня в кино. Давно хотела сходить на тот фильм. Ты ведь не против, надеюсь? Это ведь просто кино, что тут такого? А, вот и он звонит, ну всё, пора бежать, не скучай!..

Ты снова звонишь мне, вчера обрывал телефон, когда я якобы ушла с каким-то парнем в кино. Мне даже жалко тебя, это не очень справедливо с моей стороны – врать тебе и не брать трубку весь вечер. Хотя, если задуматься, то ситуация, что я пошла бы с кем-то в кино, более чем возможна – достаточно выйти в интернет, и тут же выстроится длинная очередь из красавчиков. Так что если это и было враньё, то с высокой долей истины. Тебе интересно узнать подробности моего вчерашнего похода с неким Н.? Да к чему они, зачем я буду портить тебе нервы? Ну, подарил он мне цветы, ну пытался поцеловать пару раз, но я ему не позволила. Сказал мне, что на руках носить будет, звезду с неба достанет – в общем, нёс какую-то невообразимую пошлость. С другой стороны, у него дорогая машина, он менеджер в филиале крупной московской компании... Что? Да, он старше тебя на пять лет. Такой уж точно сможет обеспечить девушку, если захочет. Зачем я тебе всё это рассказываю, – тебе же, наверное, неприятно? Я лучше не буду продолжать, а то ты меня ещё, чего доброго, начнёшь ревновать. Не начнёшь? И правильно, ревность – это признак слабости и неуверенности в себе. С другой стороны, парень, который не ревнует свою девушку, может и вовсе её не любить. Ты ведь меня любишь? И снова молчание в трубке. Неужели мы терпим с тобой всё это только для того, чтобы вот так вот угрюмо молчать в телефон?

Трубка дребезжит в знак твоего приближения. Как мне надоела наша с тобой фотка на экране, когда ты звонишь! Это же просто кошмарная скука – держаться за все эти символы, как за соломинку. У меня по всей квартире твои подарки, я о них едва ли не спотыкаюсь. Всё это для тебя ужасно важно. Для меня? Не знаю. Раньше каждая вещица вызывала воспоминания о хорошо проведённом времени, а теперь этого почему-то нет, я не знаю почему. Теперь это просто вещи. Может, я тебя разлюбила? Нет, я, конечно, тебе этого не скажу. Во-первых, это глупо, а во-вторых, я и сама не знаю. Мне совсем не интересно, что там у тебя происходит по учёбе, поверь на слово. Вот у меня радость. Я за последнюю неделю похудела на два с половиной килограмма. Вообще, как ты знаешь, я ужасно толстая, и не пытайся убедить меня в обратном. Ты бы видел, как мужики воло-

чатся за нашей новенькой из группы, Леной, а ведь она просто селёдка! У неё вместо груди – два прыща на доске, попа размером с мой кулачок, но от парней отбою нет. Где справедливость? Да ты мне уже раз пятьсот рассказывал эти байки, что мужчинам нравятся пышные девушки с большой грудью и выпуклым задом. Это всё чушь. Современным мужчинам нравятся скелетоподобные модели с ногами от ушей, иначе они не были бы так популярны. Времена Мэрилин Монро, когда ценился мой тип фигуры, давно прошли. Меня даже препода в универе зовут «девушка из 60-х», представляешь? Я отстаю от моды на пятьдесят лет! Поэтому буду худеть. Сяду на жёсткую диету и буду сбрасывать по три кило в неделю. Жалко, конечно, что грудь и попа пропадут, но красота требует жертв. Ну что ты так разбушевался, найдёшь себе толстушку и будешь кормить её плюшками с утра до вечера, а я хочу быть стройной!

О, ты снова позвонил! Выносливость, достойная восхищения. Ты знаешь, я сегодня гуляла по городу, и была такая классная погода, и люди шли мне навстречу и улыбались, и вообще всё было замечательно. Я впервые поняла, как сильно я люблю свой город. Может быть, я бы даже осталась тут навсегда. К чему мне шум мегаполиса? Там так грязно и уныло, и воздух плохой, люди вечно куда-то бегут, торопятся... Всё как в большом муравейнике. Как ты там вообще живёшь?! На народ посмотришь – черным-черно, русских-то практически не осталось, одни мигранты. Постоянная борьба за выживание, цены на еду и жильё конские, бешеные расстояния – это ж надо себе представить, тратить до трёх часов каждый день на дорогу от дома до работы и обратно, вечно стоять в этих пробках и очередях! И в этот ад ты хочешь меня забрать? Не говори так про наш город, он намного лучше того чудовища, где ты теперь учишься. Здесь всё так спокойно и размеренно, никто не летит стремглав, здесь просто душой отдыхаешь... Кстати, у меня всё ещё есть шанс перевестись с бакалавриата на специалитет. Я знаю, тебе бы этого очень не хотелось – ещё целый год провести в разлуке... Но мне ведь тоже надо думать о будущем. Кто такой бакалавр у нас в стране? Это недоучившийся специалист. Ты уже устроился там более или менее, а мне ещё нужно будет где-то искать средства на жильё – ты прекрасно знаешь моё отношение к общежитиям. А ещё эти вступительные экзамены в магистратуру... Я просмотрела кучу сайтов вузов – там практически везде нужно сдавать английский. Помнишь, как ты смеялся, когда я пыталась поговорить с тобой по-английски? Ты вообще всегда смеёшься надо мной, когда у меня что-то не получается, не оправдывайся. Твой эгоизм никогда не позволит тебе понять, что нет людей плохих и хороших, а есть люди, идущие разными путями. Я, наверное, что-то не то говорю... Ты совсем перестал ласково называть меня, говорить мне нежные слова и признаваться в любви. У тебя такой холодный и злой голос теперь, что я почти не узнаю его. Что происходит, милый?

Привет-привет, я думала, ты и не позвонишь мне сегодня. Ты знаешь, что у меня завтра кастинг в «Инферно»? Надеюсь, меня возьмут, и у меня, наконец-то, появится нормальная работа. Нет уж, милый, извращение – это пахать как папа Карло на эту гримзу с несчастной судьбой за жалкие гроши и просить тебя время от времени прислать денег на еду. А танцы – это искусство плюс нормальный заработок. Да кто тебе сказал, что туда ходят одни проститутки? Я знаю многих девочек, которые этим занимаются. Ни о какой проституции там и речи не идёт! Они всем довольны, и их парни, кстати говоря, тоже. На те деньги, что девочки зарабатывают, они содержат не только себя, но и своих родителей и даже парней. Так что никакой это не бордель, это приличное место, туда ходит отдыхать обеспеченная публика, а всякое быдло туда не пускают. Ты будешь ставить мне ультиматумы? Сначала предложи что-нибудь взамен, а потом уже и запрещай мне. Кто ты вообще такой, чтобы мне что-либо запрещать? Ты мне не муж и не отец, я свободная девушка, могу делать всё, что захочу! Господи, ты только угрожать можешь или иногда ещё и действовать? Ну брось ты меня, скажи: «Мы расстаёмся», и всё, и не придётся Его Величеству терпеть унижения чести и достоинства. Я уже не так боюсь тебя потерять, как раньше. Да что ты там мямлишь? Ты мужик или нет? Бросил трубку...

В день перед кастингом Маша на парах просто светилась. Такой свободной она себя не чувствовала ещё никогда. Скоро это недоразумение между ней и её парнем станет историей, и она начнёт жить по-новому. Будет свобода, будут деньги, будут улётные дни, будут руки и губы американца... Она не видела его неделю и уже успела соскучиться. За это время она придумала план действий: соседок как раз два дня не будет дома – Светка уехала к родне, а Катя пока поживёт у своего парня, – так что она пригласит Антона к себе домой под каким-нибудь предлогом, скажем, починить сломавшийся компьютер – он ведь шарит в компьютерах, – а когда он выйдет от неё, то уже полностью будет ею очарован. На переменах глаза девушки ощупывали каждый сантиметр коридоров, выслеживая добычу. Да, она хищница, и она получит то, чего пожелала – Антонио. Его нигде не видно, что за чёрт? Никто не знает, где он, никому он на глаза не попадался. Отчаявшись, Маша решила выследить жертву в другой день, и уже собиралась уходить, как вдруг в толпе студентов у выхода увидела его кудрявую шевелюру. Как всегда, окружён друзьями, рассказывает что-то уморительно смешное. В атаку, оружие к бою! Маша легко вскроет этот человеческий щит, грудью пробьётся к нему, захватит его, заарканит, заполучит. Плевать на всех этих девочек вокруг, это её цель, её вещь, её добыча. Он целует одну.

Что?!!

...

ОН ЦЕЛУЕТ ОДНУ ИЗ ДЕВЧОНОК!!!

.....

Худая, страшная. Это Лена, её одногруппница.

!!?

Как, как, КАК??!

Они вместе? Как такое вообще возможно?

– Привет, Монроша, – прорвался сквозь густую пелену голос Ксюши. – Ты чего тут стоишь? Прячешься от кого-то?

– А Лена с Антоном что, встречаются? – словно в бреду спросила Маша. Осипший голос казался до неузнаваемости чужим.

– Да, уже месяц. Она ради Антона рассталась со своим предыдущим парнем, с которым они были вместе аж три года. Тот ей сделал предложение, дорожущее кольцо с бриллиантом подарил, а она его вернула и сказала: «Я люблю другого». Представляешь?

– Очень хорошо представляю...

– Я думала, ты знаешь эту историю. Её ведь все знают. Ты куда?

– Домой, мне надо срочно домой.

Старенький автобус подъехал к остановке и со скрипом распахнул двери. Покачиваясь, словно зомби, девушка вошла и даже не стала отказываться, когда какой-то мужик предложил ей сесть рядом. Он что-то сказал с улыбкой, беззастенчиво пялясь на её грудь, но Маша не слышала и не видела ничего вокруг, она была раздавлена.

Месяц. Эта плоская шляха обскакала её на целый месяц. Всё было зря – надежды, мечты, вера в себя и в новую жизнь. Она сама, своими руками разрушила то, что в один миг не создашь, и ради чего? Ради химеры, которая растворилась так же быстро, как и возникла. Что теперь делать, она не представляла.

IV

Пустая квартира встретила её тишиной. Так чисто, всё на своих местах, просто мерзость. Диван, пустой диван как символ несбывшихся надежд, не смотри на меня с такой укоризной. Что я должна была делать? Броситься на Лену с ножом, прирезать её с криками: «Ты забрала то, что принадлежит мне?» Господи, да я общалась с Антоном лишь раз в кафе, и он ни разу не дал мне повода подумать, что хочет чего-то большего, чем просто общение. НИ РАЗУ. Что это взбрело тебе в голову, дурында?.. Твои тараканы проели тебе мозг настолько, что ты утратила способность адекватно мыслить! Неужели ты дума-

ла, что всё так просто, что если перед тобой стелются все эти мужики, то ты гарантированно получишь именно того, которого сама и выберешь? А в сказки про белого бычка и письма счастья ты тоже веришь?

Маша бухнулась на диван и расплакалась. Редкие всхлипывания потихоньку переросли в настоящую истерику, девушка скатилась на пол, больно ударившись, и громко кричала, вцепившись зубами в подушку, чтобы соседи не услышали и не вызвали полицию. Горячие солёные слёзы залили, наверное, весь пол, и Маша, колошматя всё, что попадалось под руки, набила себе на ногах и локтях немало синяков. Кое-как успокоившись через полчаса, Маша взглянула в зеркало и ужаснулась. Сногсшибательный макияж, на который она убила утром целый час, чтоб сразить Антона, превратился в какое-то месиво.

– В таком виде только на кастинг идти, – пробормотала она и принялась приводить в порядок себя и квартиру. Когда по покрасневшему лицу уже нельзя было понять, что Маша горько плакала, в дверь позвонили. Это было странно, потому что девчонок можно было не ждать до завтрашнего вечера. Девушка отворила дверь – и раскрыла рот от удивления. На пороге стоял высокий красивый и слегка небритый мужчина с ясными голубыми глазами, в хорошем костюме-двойке и блестящих кожаных туфлях. В правой руке у него была тёмная сумка, а в левой – букет цветов. Это был её отец.

– Привет, доча, – смущённо улыбнулся он и протянул девушке маленький, но милый букетик. – Можно войти?

– Что ты тут делаешь? – пробормотала Маша, после долгого раздумья пропуская отца в квартиру.

– Папка нашёл себе новую работу в городе, теперь будет к тебе периодически, наездами...

– Ты же говорил, что ни за что и никогда не согласишься больше гнуть на кого-то спину, – сказала девушка, с подозрением разглядывая новенькие отцовские туфли.

– Так и есть, я от своих слов не отказываюсь. Мне дали руководящую должность.

– Что, прям вот так сразу, руководящую?

– Да. Старые знакомства, связи... Долгая история, доча, – проговорил отец, разулся и прошёл на кухню.

– Чаю?

– Да, не откажусь.

– Сейчас, – кивнула Маша и начала шарить по полкам в поисках заварки. – А что это ты так вырядился? Прямо на человека стал похож, даже не узнать...

– Я уже два месяца не пил. Вот как дал себе зарок, мол, теперь точно бросаю, так и капли в рот не брал. Решил новую жизнь начать. Вот и костюм себе новый купил. Нравится?

– Нравится, – буркнула дочь, доставая коробку с чаем. – Деньги-то где на шмотки достал?

– Ты прямо как на допросе. Зарплату мне дали авансом. Вот и купил. Что, может такое быть?

– Где-нибудь в параллельной вселенной – может.

– Опять ты мне не веришь. Вот и мать твоя тоже мне не поверила, когда я ей сказал. А я правда не пил уже два месяца. Даже два с половиной! И работа у меня есть.

– И что мне теперь, прыгать от счастья? Последний раз ты мне помог в одиннадцатом классе, когда научил меня вальс танцевать, а потом дал денег на ресторан. А я уже универ заканчиваю!

– Да, признаю, я был виноват, – отец вперился в Машу своими небесными глазами, которым нельзя было не верить. – Я был полным эгоистом, не вспоминал о тебе, но ты пойми, это всё водка, это всё она, проклятая. Я бросил, правда. Уже два месяца не пил. С половиной.

– Да поняла я уже, что ты заладил?

Маша вдруг поймала себя на мысли, что уже бесцельно нарекает пятый круг по своей маленькой кухоньке с чашкой в руках, не зная, куда себя деть.

– Да что ты всё мечешься? Злишься на меня, не веришь? – покачал головой отец. – Да говорю же тебе, это всё в прошлом, с пьянством покончено. Ну хочешь, я на колени перед тобой встану, чтоб ты поверила? – и отец, не дожидаясь ответа, бухнулся перед Машей на пол, так резко, что та едва не выронила чашку. – Прости меня, доча! Христа ради, прости!

– Пап, ну что за цирк, ну встань, – поморщилась она. Хорошо ещё, что девчонок нет дома, и никто не видит этого позорища.

– Не встану, пока ты меня не простишь проси! – и отец мелкими шажками засеменял за дочь. – Ползать буду по полу, лишь бы простила. Обещаю тебе, Богом клянусь! Больше ни капли водки.

– Ну хорошо, хорошо, прощаю! Прекрати брюки пачкать, мы пол не мыли с прошлого четверга.

Отец молча поднялся, отряхнулся и присел на табуретку, где сидел до этого.

– Теперь всё будет по-другому, – потряс он перед лицом дочери грубым мозолистым пальцем, какие бывают у тех, кто много занимается физическим трудом. – Теперь я им всем покажу, чтоб знали...

– Кому покажешь?

– Тем, кто в меня не верил. Тебе покажу, матери твоей покажу, Аркадию с Семёнычем покажу!

– Как будто кому-то интересно мнение этих забулдыг... – пробормотала под нос Маша, засыпая заварку в чайник.

– Эх, дочь, как мы теперь заживём! У папки теперь всегда на кусок хлеба с маслом будет. И тебе не надо будет работать. Совсем. Учись – не хочу!

Маше очень захотелось сказать отцу, что деньги у неё кончились на прошлой неделе, и сейчас она живёт на то, что ей прислал её парень, но девушка сдержалась. С трудом, но сдержалась.

– Опять не веришь, по глазам вижу. Прямо как твоя мать, смотришь, косишься. А вон чего, видела? – отец сунул руку в карман и достал оттуда... толстую пачку тысячерублёвых купюр. У Маши чуть глаз не выпал, когда она поняла, что деньги настоящие.

– Т-ты где это взял? Какой банк ограбил? – заикаясь, спросила она.

– Ну, ты чё, доч, папку обижаешь? Я же прощения попросил как-никак. Ну, какой там ограбил?! Говорю ж, аванс папке дали! Начальником устроился!

– Пап, с такой паузой в работе, как у тебя, в кресло начальника садятся только в сказках!

– А я говорю – заработал! И работать буду! – вдруг заорал отец, так что Маше показалось, он её сейчас стукнет. Рука-то у него тяжёлая. Хоть он её ни разу и не бил, но много раз показывал, как с лёгкостью гнёт всякие толстые железяки.

На какой-то миг на кухне повисла тишина.

– Вот тебе, на, держи. На квартиру, – отсчитав половину бумажек, отец сунул их дочери в ладони. – Посчитай.

– Зачем?

– Посчитай, кому говорят!

И Маша, привыкшая перебирать бумаги, быстро насчитала в отцовском подарке сорок тысяч рублей. Сорок.

– Что, не рада? – с обидой спросил отец, буравя дочь небесными буркалами.

– Я даже... У меня просто нет слов, – тяжело выдохнула Маша. – Спасибо, папа.

– Ну, ну, ну, не стоит благодарности, – заулыбался отец. Улыбка у него была замечательная. Даже несколько железных коронок на зубах не могли её испортить. – Иди ко мне.

Отец поднялся, протянул дочери руки, и Маша впервые за несколько лет обняла его. И даже не потому что он попросил, а потому что в тот миг ей самой этого захотелось.

– Соскучилась? А уж папка как соскучился, – проговорил с улыбкой отец. – Ну, где там твой чай?

– Чай? А, да, сейчас, сейчас... – И Маша принялась наливать в чайник воду из-под крана, расплёскивая половину.

– А что это у вас, дочь, с краном? Течёт весь, ни налить, ни вылить...

– Он уже давно сломался, а починить всё руки не доходят.

– Так что ж ты молчала, папка щас живо всё починит! Не зря ж мужик в доме! – и отец, потирая грубые руки, полез к крану и начал с ним возиться. – У вас смеситель полетел, надо менять. Да и с трубами беда. Знаешь, а пойдём с тобой на ярмарку, там и запчасты, и инструмент возьмём, и поесть чего, а то у вас тут совсем шаром покати, как я погляжу...

Маша не знала, что сказать. Она совсем не узнавала в этом человеке отца. Бывает ли так, что человек в один прекрасный день изменяется до неузнаваемости?

– Ну, пойдём...

Следующие два часа были, наверное, самыми счастливыми за весь семестр. Они с отцом носились с тележкой для продуктов между торговыми рядами, хватая всё, что попадалось под руку. Хочешь красной икры, доч? Папка угощает! А может, и шампанского тяпнем по капельке? Ах да, папка же бросил. А это что ещё за вкуснятина? Никогда такую не пробовал! По глазам вижу, ты тоже хочешь...

Отец сорил деньгами, словно это была нарезанная бумага, всё балагурил, вспоминал какие-то дурацкие случаи, что бывали с ним в школе и в универе, и это было настолько уморительно, что у Маши голова шла кругом от смеха. Отец, папа, папочка, которого её так бесцеремонно лишили много лет назад, вдруг вернулся. Вот он, рядом катит тележку, такой красивый, с благородной осанкой и руками труженика и настоящего мужчины. Он любит её, любит со всей отцовской нежностью, и от этого так тепло, так уютно. Она не знает, что будет завтра, но, по любому, всё будет отлично, потому что он здесь, он не даст случиться плохому. Он самый классный!

Из здания ярмарки они вышли с двумя здоровенными пакетами с едой, из кармана пиджака отца торчал новенький смеситель и несколько гаечных ключей.

– Ну что, дочка, пойдём, папка тебе кран починит, и будем праздновать.

– Что праздновать?

– Как что, мы с тобой сколько уже не виделись, у-у-у! Встречу надо обмы.. то есть отметить.

Посмеявшись, Маша взглянула на часы, и улыбка быстро сползла с её лица.

– Пап, мне уже полчаса как на работу надо. Я обещала начальнице, что минимум на два часа сегодня приду, – сказала она, умолчав, что после работы собиралась отправиться на кастинг в стриптиз-бар. Сейчас, когда у неё в кармане лежали заветные сорок тысяч, идея идти туда показалась ей, мягко говоря, дикой. Но Наталье Николаевне отказать она не могла.

– Бросай ты эту работу, Маша, папка тебе до конца университета жизнь обеспечит! – улыбался широко отец, сверкая железными коронками.

– Пап, не могу же вот так просто взять и не прийти. Надо как минимум написать заявление об уходе и отпахать до конца месяца.

– Э-э, – протянул отец разочарованно.

– Вот тебе ключи, – Маша сунула отцу ключ от квартиры в нагрудный карман пиджака. – Иди пока кран чинить, а я отработаю и приду, – и девушка чмокнула его в шершавую щёку.

Всю дорогу до работы и всё проведённое в офисе время Машу не покидало странное чувство, что всё это происходит не с ней, а с каким-то другим человеком. Столько эмоций всего за один день, сначала с Антоном, а теперь вот, с отцом. Все два обговорен-

ные с начальницей часа она работала, как попало. Документы валились из рук, ничего не ладилось, и целых два раза она пропустила мимо ушей то, что говорили обрывавшие телефон клиенты.

– Мария, что с вами такое происходит сегодня? – напустилась на неё Наталья Николаевна, когда Маша не смогла ничего сказать по существу о проделанной работе. – Вы ведёте себя странно.

– Я... просто, – побормотала Маша. Ей хотелось сказать нечто вроде: «Из моей жизни ушёл один мужчина и появился другой», но начальница начала её передразнивать.

– Просто, просто. Что вы там мямлите, словно язык проглотили? Я уже сыта по горло вашим тунеядством. Вы думаете, что можете просто приходить сюда и ничего не делать? Просто так сидеть в соцсетях с рабочего компьютера, пить кофе и получать за это зарплату? Хочу отметить, что ваши успехи на рабочем месте за последний месяц были крайне неудовлетворительны. Поэтому зарубите себе на носу...

– Знаете что, Наталья Николаевна? Я ухожу от вас, – вдруг вырвалось у Маши. – Мне надоели эти ваши надуманные претензии, ваш надменный тон и вечно дурное настроение. Не следует срывать досаду из-за неустроенной личной жизни на своих подчинённых, это некрасиво.

– Ч-что?

Маша очень пожалела, что у неё нет фотоаппарата, и она не может запечатлеть, как перекосило лицо начальницы.

– Я прямо сейчас напишу заявление об уходе, доработаю положенные две недели и уйду, и больше вы меня не увидите. Ищите себе другую дурочку за те копейки, что вы платили.

И, не дожидаясь ответа, Маша развернулась и вышла, не став, впрочем, хлопать дверью.

Когда она шла домой, уже смеркалось, небо переливалось лиловым и кроваво-красным. Где-то за крышами домов и деревьями садилось солнце, и девушка видела лишь последние лучи зари. Она думала об отце.

Минуты три Маша стояла у двери подъезда и пыталась дозвониться по домофону до отца, который должен был ждать её в квартире, но никто не отвечал, и это было странно. То, что домофон сломался, было исключено, так как шли гудки – скорее всего, он просто уснул или вышел на балкон. Магнитный ключ от двери Маша тоже отдала отцу, поэтому пришлось звонить соседям и просить, чтобы открыли. Поднявшись к себе на этаж, она обомлела: дверь была открыта нараспашку. Не думая ни о чём, она ворвалась внутрь и осмотрела все комнаты. В квартире никого не было, ценные вещи были не тронуты, сумка отца так и лежала, где он её оставил, и лишь водопроводный кран на кухне был открыт, так что вода бежала во всю силу. Маша попробовала закрыть его, но поток не прекращался, пришлось лезть под раковину и перекрывать вентиль там. Что за ерунда? Достав из сумки мобильник, Маша начала названивать отцу, но его номер был заблокирован, – видимо, он даже со своей новой зарплатой не удосужился заплатить за связь. Ситуация нравилась Маше всё меньше и меньше – и совсем перестала её устраивать, когда она нашла ключи от квартиры на полу в ванной.

Оставив сумку и деньги дома, Маша заперла дверь и вышла на улицу. Солнце уже село, и двор погрузился в сумерки. Кроме нескольких старух на лавочках и носящихся рядом под их присмотром трёх мальчишек, поблизости никого не было.

– Скажите, а вы не видели тут такого высокого мужчину в костюме с большими пакетами? – обратилась она к женщинам.

– Как же, был тут такой, – кивнула одна. – С Кузьмичом вошли в подъезд, а потом вместе же вышли и отправились куда-то туда.

Старушка махнула сухонькой рукой в сторону дворов.

– Кто такой Кузьмич? – насторожилась Маша.

– Местный алкоголик.

Маша побежала туда, куда указала бабуля. Она плохо знала собственный район – за тот год, что она снимала здесь квартиру, у неё никогда не возникало желания ознакомиться с ним поближе. Единственное, что она знала точно, так это то, что там, куда она бежит, нет больших освещенных улиц, а есть лишь одинаковые штампованные девятиэтажки и дворы, как две капли похожие один на другой.

– Папа! Ты где? – крикнула она.

– Я здесь! Иди ко мне, буду твоим папочкой! – раздался с затемнённой лавочки мерзкий пацанячий голос, сопровождаемый звериным смехом. Маша ничего не ответила и постаралась как можно быстрее скрыться за поворотом. Только на игривых гопников наткнуться ей сегодня и не хватало.

Дворы, дворы, дворы. Унылые, заброшенные, пустынные. То тут, то там торчат из земли какие-то железки ещё времён советской власти, лишь отдалённо напоминающие детские горки или качели. Несколько раз мелькают деревянные фигуры персонажей мультиков, покореженные чьими-то берцами и обезображенные шпаной, исписанные маркерами и замазкой, опалённые зажигалками. В сумерках улыбки всех этих Карлсонов, старух Шапокляк и Чебурашек кажутся зловещими.

На одной из таких детских площадок в песочнице без песка Маша увидела человека. Он сидел, сильно сгорбившись, и неотрывно глядел в точку перед собой. Её отец.

– Папа! Что случилось? Почему ты тут сидишь? – Маша подбежала к отцу и едва не лишилась чувств от сильнейшего запаха перегара, ударившего ей в нос. Костюм его был изрядно потрёпан и в чём-то испачкан, на рубашке не хватало нескольких пуговиц. От носа ко рту змеилась тонкая струйка запекшийся крови.

– Папа! Ты что – пьян? Ты же сказал, что бросил пить! Ты же на коленях стоял, божился!

Отец медленно повернул к ней поникшую голову и посмотрел очень тяжело и пронзительно. В опустевших глазах стояли слёзы.

– Я не п-пьян, дочка, – с трудом проговорил он, и Маша сразу узнала того отца, к которому давным-давно привыкла.

– Что с тобой случилось? Тебя будто по земле битый час таскали!

– Эт-то всё Кузьмич. Пас-скуда, – пробормотал отец каким-то особым философским тоном, который может быть только у убеждённых пьяниц. Маша вдруг поняла, что вот-вот исцарапает себе ладони до крови собственными же ногтями.

– Вставай. Быстро вставай, пока я тебя не зарыла в этой грёбаной песочнице!

– Я не могу.

– Что ты не можешь?

– Не могу встать. Я шёл от Кузьмича и понял, что не дойду. Лучше спокойненько тут на песочке посидеть, чем где-нибудь под забором лежать, я правильно говорю?

– Так, а ну вставай, я сказала, – Маша налетела на отца, точно гарпия, и впилась ногтями ему в пиджак. Отец был очень тяжелый, и она едва не надорвалась, пока смогла поставить его на ноги. Воняло от него так, что у неё заслезились глаза.

– Кто это вообще такой? Как ты с ним связался?

– Как кто? Это же мой одноклассник. Мы с ним в пятом классе за одной партой сидели! – бормотал отец, еле-еле ворочая языком. Маша взвалила его левую руку себе на плечо, – та была тяжёлая, как шпала, – и медленно-медленно, шаг за шагом, повела отца в сторону дома. Только бы сейчас не заблудиться в этих высотках и не напороться на ту шантрапу...

– Какого хрена ты начал с ним пить?! – кряхтела она. Какой же её отец всё-таки кабан. Килограмм сто точно будет. Каждый шаг давался с большим трудом. По несвязному пьяному бреду отца она поняла, что Кузьмич перехватил отца на подходе к её дому, они разговорились, вошли в квартиру, где сначала вместе безрезультатно пытались починить кран, а потом бросили это занятие и распили бутылку водки, что была у Кузьмича с собой. Якобы в честь его дня рождения. Водка быстро кончилась, тогда отец предложил сходить

в магазин и купить ещё, тем более, что закуска у них уже была. Со всей накопленной с Машей снедью они затарились водкой в ближайшем ларьке и пошли к Кузьмичу домой. Что было дальше, отец не помнил, помнил только, как они с бывшим одноклассником сильно подрались, и тот бросался в него его же продуктами, и все пятна на костюме – это жир и масло от салатов.

На то, чтобы протащить отца до дома через пять дворов, у Маши ушёл почти час. Ноги у него были ватные, да и сам он, похоже, не очень горел желанием куда-то там идти, то и дело пытаясь завалиться на асфальт и уснуть. Всю дорогу Маша отчаянно материлась, изобретая всё новые лексические конструкции из пяти-шести наиболее употребительных слов, и только это помогло ей не опустить руки и не бросить отца посреди дороги. В одном из дворов им повстречалась компания тоже изрядно подвыпившей молодёжи, которая долго ржала и свистела им вслед, но никому и в голову не пришло помочь. Маша засунула весь свой гнев как можно глубже и старалась не обращать внимания. Времена рыцарей давно прошли, тут не посмотрят на то, то ты девушка – огребёшь так, что мало не покажется.

Самым сложным было втащить отца на пятый этаж. Он упрямо не хотел подниматься по лестнице, несколько раз садился прямо на ступеньки, а один раз даже выскользнул из её рук и скатился вниз по ступенькам. Обычный человек после такого падения не собрал бы костей, но пьяному это показалось даже забавным.

– Эх, как я здорово у...лся! – хихикнул он, стоило Маше поднять его на ноги. Когда последний этаж был преодолён, девушке всё же пришлось посадить отца на пол, чтобы достать ключи и открыть дверь. Пока она возилась с ключами в темноте – лампочка, естественно, не работала – тот уже успел уснуть. В итоге Маша, проклиная всё на свете, втащила отца в квартиру, стянула с него заляпанный костюм и уложила на свой диван, покрыв его пред этим чистой простыней и поставив рядом тазик и бутылку с водой на случай, если отца будет рвать. Тот тут же раскрыл рот и громко-громко захрапел.

У Маши уже не было сил ни злиться, ни плакать. Полчаса она провела в душе, соскабливая с себя под струями чуть тёплой воды грязь, пот и запах перегара, которым она пропиталась насквозь, а потом позвонила маме и рассказала ей всё.

– Я не знаю, откуда у него столько денег. Думала, может, ограбил кого, а он говорит, зарплату авансом выдали. Кто тебе сегодня звонил? Какой кредит? ТЫ СЕБЁЗНО? Ему, с его историей, дали кредит??! Думаешь, там её просто не проверили? Да откуда я знаю? Блин, мам, он что, совсем с ума сошёл? Как он собирается его отдавать? Даже не так – как МЫ собираемся его отдавать??! Ну нет, только не говори, что опять придётся продавать всю бытовую технику, мы это уже проходили... Нет, он не всё спустил, он перед тем, как напиться, дал мне сорок тысяч. У него с собой ещё примерно столько же было, но тысяч пять мы на продукты и инструменты потратили, плюс он водкой закупался с этим, как его... с Кузьмичом. Мам, да не знаю я, где деньги! У него с собой вообще ничего не было, когда я его нашла – ни денег ни инструментов, ни продуктов! Да что там, у него даже мобильного с собой не было. Откуда я знаю, где. Ограбили, скорее всего. Мам, он ведь мне на коленях клялся, что не будет больше пить. Ты слышишь меня, НА КОЛЕНЯХ! Как это «ну и что», для тебя это вообще ничего не значит? Ах, это у вас уже вошло в привычку, ну-ну. Мам, за что мне это, а? Что я такого натворила, что на меня всё это валится одно за другим? Я не плачу, мама, не плачу. Я уже не могу плакать сегодня, отплакалась... Да не важно, был там один козёл... Ерунда это всё. Всё ерунда. Я тебя тоже люблю, мама. Спокойной ночи...

Маша переоделась в ночнушку и легла на кровать Светы. Из-за храпа отца очень долго не могла уснуть, но усталость взяла своё, и Маша провалилась в тёмную пучину беспокойных снов.

Рано утром её разбудил тяжёлый стон отца. Натянув джинсы и толстовку, она вышла к нему и увидела, как отец яростно хлещет минералку из пластиковой бутылки.

– Проснулся?

– Что вчера было? – резко спросил он. Из небесно-голубых глаза его стали красными.

– А ты совсем ничего не помнишь?

– Отвечай, когда я тебя спрашиваю, а не задавай глупых вопросов!

– Ты ползал на коленях и божился, что больше не будешь пить, говорил, что тебя сделали начальником, и теперь я не буду ни в чём нуждаться.

– У тебя такой тон, будто ты меня в чём-то обвиняешь, – отец смерил её тяжёлым взглядом.

– Обвиняю? Да я тебя ненавижу, папочка! Понимаешь? Не-на-ви-жу! Ладно бы ты просто нажрался, как свинья, у себя там, в деревне, я б и бровью не повела, так нет же! Ты сделал всё с выдумкой, с фантазией, ты же у нас творческая натура! В город приехал, кредит как-то достал, наобещал мне с три короба, заставил меня в тебя поверить, что самое страшное...

– Так, а ну заткнись, ты, потаскуха! – крикнул он и швырнул в неё пустой пластиковой бутылкой, но Маша легко увернулась.

– Да, я та ещё потаскуха! Вчера целый час твою вонючую пьяную тушу по дворам таскала, чтобы ты в чистоте и тепле дрых, а не на улице в песочнице! Сказал бы спасибо!

– Пошла вообще на хер отсюда, чтоб глаза мои тебя не видели! – заорал он во всё горло.

– Что? Это я должна уходить? – задохнулась Маша – Это моя квартира вообще-то, это ты должен уйти!

– Ты, проститутка малолетняя, ещё мне будешь указывать, что мне делать! Где мой ремень? – и отец, будучи в одних семейных трусах и майке, стал озираясь в поисках брюк. Маша мигом сообразила, что ещё чуть-чуть – и будет совсем плохо, схватила с тумбочки ключи и телефон и метнулась в прихожую. Отец поймал было её за локоть, но Маша вырвалась. Стащив с полки кроссовки, Маша выбежала в подъезд, как можно быстрее захлопнула дверь и дрожащей рукой начала совать ключ в замочную скважину. Тот всё никак не хотел попадать, и только когда с той стороны двери раздался сильный удар кулаком о железо, ей удалось, наконец, попасть и запереть дверь на два оборота.

– Э, доча, ты чего? Я же пошутил насчёт ремня! Открой дверь! Давай поговорим нормально!

Маша не нашла в себе сил сказать что бы то ни было, её всю трясло от страха. Так в своей жизни она не боялась ещё никогда.

– Открой дверь! Я тут всю квартиру нахрен расшибу, если не откроешь!

Это подействовало на Машу, как удар тока.

– Только попробуй! Я тебя в полицию сдам! – крикнула она дрожащим голосом.

– Ах ты, сука неблагодарная! Я ж тебя растил, я тебя вот этими руками в детстве качивал! Да будь ты проклята! Слышишь? Проклинаю тебя!

– Пошёл ты со своими проклятиями куда подальше, – проговорила тихо Маша, быстро обулась и вышла во двор. Вслед ей неслись отнюдь не пожелания счастья и любви. Что делать дальше, она не представляла. Решение пришло минут через десять.

– Ксю! – сказала Маша в трубку, автоматически набрав знакомый номер. – Мне срочно нужна твоя помощь, у меня большие проблемы.

– Приезжай, – ответила трубка.

V

Была суббота, на город опускался вечер. Поезд пока не успел наполниться людьми, до отправления оставалось ещё минут пятнадцать. Маша с большой сумкой через плечо вошла и села у окна в самом конце вагона. Позади был чертовски тяжёлый день.

Ксюша, её милая Ксю, в которой она так глупо сомневалась, спасла её. Они вместе обсудили всё, что случилось, так что Маша смогла перевести дух и оправиться от шока,

после чего девчонки вместе с папой Ксюши, подполковником полиции, отправились к Маше домой. Отец сдержал обещание – в квартире всё было перевернуто вверх дном, когда они открыли дверь и вошли. Вещи вытряхнуты из шкафов, половина посуды перебита, мебель опрокинута. Хорошо хоть окна не разбил. Отец Маши сидел посреди всего этого хаоса на груде тряпья и горько плакал. Всю дорогу до дома Маша тайно надеялась, что он извинится и возьмёт свои страшные слова назад, но отец на неё даже не взглянул, он просто нацепил свой мятый костюм, взял сумку и ушёл. Папа Ксюши хотел его задержать, но девчонки его отговорили. Потом они полдня потратили на то, чтобы хоть как-то привести квартиру в порядок. Что-то сделать им удалось, но до совершенства было ещё далеко, и Маша чувствовала, что по возвращении соседок у них состоится долгий серьёзный разговор. Ещё она поговорила с мамой и рассказала ей всё. Та не удивилась, только предложила купить билет на поезд и приехать. Маша не стала возражать.

Наконец поезд тронулся, и за окном замелькали серые фьорды многоэтажек. Вот уже навстречу ей несутся вышки ЛЭП, потом их и вовсе сменяет глухая стена леса. Звонит телефон. На проводе ОН.

Это ты... Я думала, ты уже никогда не позвонишь. У меня столько всего произошло, столько надо тебе рассказать. Где я? Я... я в поезде, еду домой. Это долгая история. Кастинг? Какой кастинг? Ах, это... Я не пошла на него. Просто решила, что это не для меня. Знаешь, я должна тебе кое в чём признаться. Я тебя люблю. Больше всего на свете. У меня нет человека ближе и роднее, чем ты. Прости меня, что вела себя, как последняя стерва. Нет, ты тут совершенно не при чём, это всё я, моя вина. Просто я слишком устала. Устала настолько, что начала забывать самые простые вещи. Забыла о том, что действительно важно. Знаешь, милый, нас скоро могут разъединить, в этой глуши связь ловит ужасно. Расскажи мне что-нибудь, пожалуйста. Мне это, правда, интересно.

И ещё минут двадцать она слушает его голос. Он успокаивает, словно бальзам, что она втирает себе в виски при головной боли. Она смотрит себе в душу и понимает, что не солгала, когда сказала, что любит. А потом связь обрывается. Состав замедляет свой ход, объявляют следующую остановку. Маша сходит, поезд стоит ещё полминуты и уезжает. Девушка остаётся совсем одна на платформе. Вокруг насколько хватает газ – сосны. Очень тихо, только ветер шумит.

Её станция. Она дома.